Д-ру Л. Я. Бѣлобородову

1913 г. ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. № 4.

ПСИХОТЕРАПІЯ

ОБОЗРѢНІЕ ВОПРОСОВЪ ПСИХИЧЕСКАГО ЛЕЧЕНІЯ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ

A. ADLER (ВѢНА), Ф. М. АЗНАУРОВЪ (ЖЕНЕВА), М. М. АСАТІАНИ (МОСКВА), А. Н. БЕРНШТЕЙНЪ (МОСКВА), І. А. БИРШТЕЙНЪ (ОДЕССА), E. WEXBERG (ВѢНА), O. HINRICHSEN (БАЗЕЛЬ), Ю. В. КАННАБИХЪ (МОСКВА), O. KAUS (ВѢНА), В. Н. ЛИХНИЦКІЙ (ОДЕССА), Н. Е. ОСИПОВЪ (МОСКВА), STEIN (БУДАПЕШТЪ), W. STEKEL (ВѢНА), О. Б. ФЕЛЬЦМАНЪ (МОСКВА), FRISCHAUF (ВѢНА).

РЕДАКТОРЪ

Н. А. ВЫРУБОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Оригинальныя статьи.

Alfr. Adler. Индивидуально-психологическое леченіе неврозовъ.

А. Б. Залкиндъ. Къ вопросу о сущности психоневрозовъ.

І. А. Бирштейнъ. Сонъ В. М. Гаршина. (Психоневрологическій этюдъ къ вопросу о самоубійствѣ).

А. А. Іоффе. По поводу «безсознательнаго» въ жизни индивидуума.

Обзоры.

Zentralblatt f. Psychoanalyse. Jahrg. III. H. 4/5 u. H. 6/7. (Н. Вырубовъ)

Rivista italiana di Neuropatologia, Psichiatria, etc. Vol. VI, Fasc. 4, 1913. (Н. Вырубовъ).

Zeitchrift f. Psychotherapie. V. B. 1. H. 1913. (Н. Вырубовъ).

Psiche. Rivista di studi psicologici. Anno I. № 3. 1912. (Н. Вырубовъ).

Общества и съѣзды.

Психіатрическій Кружокъ «Малыя Пятницы». Засѣданіе 1 марта 1913 г. (М. Асатіани).

Ферейнъ свободнаго психо-аналитическаго изслѣдованія. Засѣданіе 2 января 1913 г. (Раиса Адлеръ).

Психоаналитическія замѣтки.

Хроника.

Объявленія.

НОВЫЯ КНИГИ.

Д-ръ Л. ЛЕВЕНФЕЛЬДЪ.

ГИПНОТИЗМЪ.

Руководство къ изученію гипноза и внушенія и значенія ихъ въ медицинѣ и юриспруденціи.

Переводъ съ нѣмецкаго М. Кадишъ.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ д-ра **Н. А. Вырубова.**

Съ приложеніемъ очерка д-ра Л. Левенфельда

КЪ СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНІЮ ПСИХОТЕРАПІИ.

Цѣна 3 руб.

К-во «Современныя проблемы». 1913 г.

Д-ръ Л. ЛЕВЕНФЕЛЬДЪ.

СЕКСУАЛЬНЫЯ ПРОБЛЕМЫ.

Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ

д-ра **Н. А. Вырубова.**

Содержаніе: О сексуальной конституціи.—Эротика и чувственность.—Половое влеченіе, какъ двигательная сила въ духовной жизни.

Цѣна 2 руб.

«К-во Современныя проблемы».

Книгоиздательство и книжный складъ «НАУКА».

Москва, Большая Никитская, д. № 10, телеф. 2-54-99.

Психотерапевтическая библіотека подъ редакціей докторовъ Н. Е. Осипова и О. Б. Фельцмана.

Выпускъ 1.	S. Freud. О психоанализѣ	ц.	— 50 к.
„ 2.	P. Dubois. Психотерапія.	ц.	— 80 к.
„ 3.	S. Freud. Теорія полового влеченія . .	ц.	— 75 к.
„ 4.	О. Фельцманъ. Вспомогательныя школы для психически отсталыхъ дѣтей. .	ц.	— 50 к.
„ 5.	P. Dubois. Воображеніе, какъ причина болѣзни	ц.	— 50 к.
„ 6.	W. Stekel. Причина нервности.	ц.	— 40 к.
„ 7.	L. Waldstein. Подсознательное „я“ и его отношеніе къ здоровью и воспитанію .	ц.	— 60 к.
„ 8.	I. Marcinowski. Нервность и міросозерцаніе	п.	1 р. — к.
„ 9.	S. Freud. Психоанализъ дѣтскаго страха.	ц.	1 р. — к.
Проф. C. Anton. О разстройствахъ развитія у дѣтей .		ц.	— 50 к.
Th. Ziehen. Принципы и методы опредѣленія степени умственнаго развитія.		ц.	— 40 к.
Проф. Сербскій. Психіатрія.		ц.	3 р. — к.
Проф. Сербскій. Краткая терапія душевныхъ болѣзней.		ц.	— 40 к.
А. Н. Бернштейнъ, прив.-доц. Клиническіе пріемы психологическаго изслѣдованія душевно-больныхъ		ц.	1 р. 25 к.

Оригинальныя статьи.

Индивидуально-психологическое леченіе неврозовъ.

Alfr. Adler.

Введеніе.

Описаніе, въ сжатой формѣ, богатой области психотерапіи, оцѣнкѣ которой угрожаютъ еще многія принципіальныя несогласія, представляется мнѣ дѣломъ, требующимъ не малой отваги.

Я хотѣлъ бы указать, что основы моихъ воззрѣній, покоятся на матеріалѣ моихъ наблюденій, которыя были опубликованы начиная съ 1907 года. Въ 1907 г., въ «Studie über Minderwertigkeit von Organen» [1]), я указалъ, что прирожденныя конституціональныя аномаліи нельзя считать за явленія дегенераціи, но что онѣ даютъ часто поводъ къ компенсаторной дѣятельности и усиленной дѣятельности, равно какъ и имѣющія большое значеніе явленія корреляціи, которымъ усиленная психическая дѣятельность существенно помогаетъ. Это компенсаторное душевное напряженіе, стремясь одолѣть жизненную задачу, уходитъ часто на другіе, новые пути, обнаруживаетъ наблюдателю свою необыкновенную гибкость и удивительнѣйшимъ образомъ достигаетъ цѣли, покрывая ощущаемый дефицитъ. Наиболѣе распространенной формой, которой стараются прикрыть возникшее въ дѣтствѣ чувство малоцѣнности, является возведеніе компенсирующей душевной надстройки; послѣдняя ищетъ достиженія устойчивости и превосходства въ жизненной борьбѣ при помощи тренированной подготовки и съ готовыми защитными средствами, въ нервномъ modus vivendi. Все, что сколько нибудь уклоняется отъ нормы, находитъ себѣ объясненіе въ бо̀льшемъ честолюбіи и въ бо̀льшей степени предусмотрительности; но всѣ уловки и арранжировки, нервозныя черты характера, такъ же какъ и нервные симптомы, имѣютъ значеніе развѣдокъ, вживаній и подражаній, по скольку они не чужды жизни здороваго человѣка, и ихъ рѣчь, правильно понятая, всегда

[1]) См. подробный рефератъ этой книги въ № 2 «Психотерапіи», 1913. Н. В.

покажетъ вамъ, что человѣкъ борется здѣсь за свое значеніе, старается завоевать его, человѣкъ, непрестанно стремящійся изъ неувѣренности и чувства малоцѣнности къ достиженію божественнаго господства надъ окружающимъ.

Если вы пропустите эти корни невротическаго поведенія, вы всетаки найдете его въ пестротѣ и изобиліи возбужденія и возбудимости, которыя представляютъ собою не причину, но слѣдствіе болѣзни. Въ коротенькой замѣткѣ «Der Aggressionstrieb im Leben und in der Neurose» (Fortschritte der Medizin. 1908) я пытался дать изображеніе этой повышенной «аффективности» и показать, какъ часто, для достиженія цѣли или для избѣжанія опасности, она переходитъ въ видимую задержку аггрессивности. То, что мы называемъ «предрасположеніемъ къ неврозу» (Neurotische Disposition, Jahrb. f. psychoanal. u. psychopath. Fortsch. 1902), есть уже неврозъ, и только въ актуальныхъ случаяхъ, когда внутренняя необходимость побуждаетъ къ усиленнымъ уловкамъ, появляются съ большей отчетливостью подходящіе невротическіе симптомы, какъ показатели болѣзни. Эти показатели болѣзни и всѣ соотвѣтствующія арранжировки необходимы въ особенности, 1. чтобы служить отговоркой, если жизнь отказываетъ въ желанномъ тріумфѣ, 2. чтобы получить возможность отодвинуть рѣшеніе, 3. чтобы выставить въ усиленномъ освѣщеніи нѣкоторыя достигнутыя цѣли, достигнутыя несмотря на страданія. Эти и другія уловки ясно показываютъ тяготѣніе невротика къ показному.

Въ каждомъ случаѣ очень легко замѣтить, что невротикъ, ловко охраняя свою фиктивную цѣль, соблюдаетъ типичную для него линію направленія, которую онъ принципіально на словахъ преслѣдуетъ. Личность невротика получаетъ такимъ образомъ свою отлитую форму, благодаря опредѣленнымъ чертамъ характера и соотвѣтствующимъ, испытаннымъ подготовкамъ, благодаря общей выдѣлкѣ симптомовъ и благодаря невротическимъ перспективамъ въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Стремленіе къ охранѣ своего превосходства вліяетъ такъ сильно, что каждое душевное явленіе при сравнительномъ психологическомъ анализѣ на поверхности своей обнаруживаетъ одну и ту-же черту: желаніе освободиться отъ ощущенія своей слабости, чтобы достигнуть высоты, подняться «снизу» «вверхъ», превзойти всѣхъ, при помощи своихъ часто трудновыполнимыхъ уловокъ. Чтобы создать педантическій порядокъ въ предусмотрительности, мышленіи и пониманіи

міра и вмѣстѣ съ этимъ—средства защиты, невротикъ хватается за всякаго рода правила и вспомогательныя формулы, наиболѣе важное изъ которыхъ соотвѣтствуетъ примитивной антитезной схемѣ. Такъ, онъ придаетъ значеніе только чувственно цѣнному, соотвѣтствующему понятіямъ вверху и внизу, и связываетъ это регулярно—насколько я могъ убѣдиться —съ единственно реальнымъ для него противоположеніемъ «мужского—женскаго». Черезъ эту поддѣлку сознательныхъ и безсознательныхъ сужденій, какъ черезъ душевный аккумуляторъ, дается толчекъ къ аффективнымъ нарушеніямъ, всегда соотвѣтствующимъ личной жизненной линіи паціента. Такъ какъ «женскимъ» чертамъ, переживаемымъ имъ въ душѣ, —пассивное поведеніе, послушаніе, мягкость, малодушіе, воспоминанія о паденіяхъ, незнаніи, безсиліи—онъ старается противопоставить преувеличенное направленіе въ «мужское» и развиваетъ въ себѣ ненависть, гордость, жестокость, эгоизмъ и ищетъ побѣдъ во всѣхъ отношеніяхъ. Или онъ рѣзко подчеркиваетъ свою слабость и возлагаетъ этимъ на другихъ лицъ обязанность оказывать ему услуги, причемъ осторожность и предусмотрительность паціента постоянно и не помѣрно возрастаетъ и ведетъ къ планомѣрному уклоненію отъ угрожающихъ рѣшеній. Тамъ, гдѣ паціентъ считаетъ необходимымъ для жизни «преимущества мужчины»,—при борьбѣ всякаго рода, служебной дѣятельности, въ любви, гдѣ онъ боится—это относится также и къ мужскому полу—«обабиться», благодаря своему пораженію, онъ будетъ стараться обойти издалека свою проблему. Всегда найдется линія жизни, уклоняющаяся отъ прямой дороги и ищущая, подъ вѣчнымъ страхомъ ошибокъ и неудачъ, болѣе защищенныхъ обходныхъ тропинокъ. Эту-же цѣль всегда имѣетъ поддѣлка роли пола, когда невротикъ какъ будто обнаруживаетъ черты «психическаго гермафродитизма», и въ большинствѣ случаевъ думаетъ, что имѣетъ ихъ. (См. Der psychische Hermaphroditismus im Leben und in der Neurose, Fortschr. d. Medizin. 1910). Смотря съ этой стороны, легко можно было бы заподозрить сексуальную этіологію невроза. Но въ дѣйствительности, въ области сексуальнаго разыгрывается та же борьба, что и во всей душевной жизни: первоначальное чувство малоцѣнности толкаетъ на обходныя тропинки (въ сексуальномъ на путь мастурбаціи, гомосексуальности, фетишизма, алголагніи, переоцѣнки сексуальнаго и т. д.) для того, чтобы не потерять ориентировки въ достиженіи превосходства. Для выраженія абстрактной и

вмѣстѣ съ тѣмъ конкретизированной цѣли невротика служитъ схематическая формула: «я хочу быть настоящимъ мужчиной!», это—компенсирующій выходъ для лежащаго въ глубинѣ чувства малоцѣнности, носящаго женскій характеръ. Схема, по которой здѣсь апперцепируютъ и мыслятъ, есть антитеза и планомѣрный самообманъ, схема въ самой себѣ враждебная, и мы всегда встрѣчаемъ двѣ безсознательныхъ предпосылки въ цѣлестремленіи невротика: 1. Отношенія людей между собой при всякихъ обстоятельствахъ представляютъ собою борьбу, 2. женская половина человѣческаго рода малоцѣнна и служитъ въ своихъ реакціяхъ мѣрой мужской силы.

Эти двѣ безсознательныя предпосылки, одинаково вскрывающіяся какъ у мужчинъ-паціентовъ, такъ и у женщинъ, приводятъ къ тому, что всѣ человѣческія отношенія уродуются и отравляются, что появляются усиленія и нарушенія аффекта, вмѣсто желаннаго душевнаго спокойствія выростаетъ длительная неудовлетворенность, которая смягчается только случайно, въ большинствѣ случаевъ лишь послѣ усиленія симптомомъ и послѣ удачнаго представленія доказательствъ болѣзни. Симптомъ замѣщаетъ, такъ сказать, нервную, повышенную жажду превосходства и въ мірѣ чувства паціента ведетъ къ болѣе вѣрной видимости побѣды надъ окружающимъ, чѣмъ прямолинейная борьба и сопротивленія. Пониманіе этого языка симптомовъ сдѣлалось для меня главной задачей психотерапевтическаго леченія.

Такъ какъ неврозъ имѣетъ назначеніе помочь въ достиженіи конечной цѣли превосходства, причемъ прямая агрессивность исключается вслѣдствіе чувства малоцѣнности, то мы всегда видимъ предпочтеніе обходныхъ путей, имѣющихъ характеръ менѣе активный, иногда мазохистическій и всегда мучительный. Чаще всего мы встрѣчаемъ смѣсь душевныхъ побужденій и симптомовъ болѣзни, одновременно всплывающихъ въ томъ же періодѣ болѣзни, или другъ друга исключающихъ; взятые изъ общей связи болѣзненнаго механизма, они кажутся намъ противорѣчивыми или наводятъ на мысль о расщепленіи личности. Общій ходъ болѣзни показываетъ намъ, что паціентъ можетъ пользоваться двумя противоположными линіями для достиженія своей идеальной ситуаціи фиктивнаго превосходства, аргументируя и правильно, и лживо для той-же цѣли или совершенно независимо отъ нея, и соотвѣтственно этому оцѣниваетъ и чувствуетъ.

При всякихъ обстоятельствахъ вы встрѣтите и должны ожидать у невротика такія воззрѣнія, чувства, воспоминанія, аффекты, черты характера и симптомы,—они предполагаются въ силу извѣстной вамъ жизненной линіи невротика.

Невротики всегда будутъ имѣть наготовѣ всякаго рода memento, картины, вызывающія страхъ, подготовленные аффекты, подходящія чувствованія и черты характера, одни—чтобы одержать побѣду на линіи повиновенія, подчиненія, «истерической внушаемости», другіе—чтобы связать своею слабостью, боязнью, своею пассивностью, потребность въ ласкѣ и т. под.; точно такъ-же, какъ и страдающій навязчивымъ неврозомъ—свои принципы, законы, запрещенія, которые какъ будто стѣсняютъ его самого, на самомъ-же дѣлѣ предоставляютъ ему власть, подобную божеской. Мы всюду видимъ цѣль идеальную «ренту», за которую борятся съ тѣмъ-же упорствомъ, какъ невротикъ-травматикъ за матеріальную цѣль, и тѣмъ большею частью способами, которые доступны опыту паціента. То-же самое мы видимъ и тамъ, гдѣ активные аффекты, какъ гнѣвъ, злоба, ревность, охраняютъ путь на вершину и замѣняются часто приступами боли, обмороками и эпилептическими припадками. (См. Trotz und Gehorsam, Monatsheft. f. Pädag. 1910; далѣе Psychische Behandlung der Trigeminusneuralgie. Zeitschr. f. Psychoan. 1911. и тамъ-же послѣдующія рабсты автора). Всѣ невротическіе симптомы имѣютъ задачей охранять чувство личности паціента и вмѣстѣ съ тѣмъ ту жизненную линію, съ которой онъ сроднился. Чтобы показать себя выросшимъ для жизни, невротикъ взращиваетъ также всѣ необходимыя арранжировки и нервные симптомы, какъ неизбѣжную необходимость, какъ необыкновенно полезный защитный коэффиціентъ противъ опасности, которую, при своемъ чувствѣ малоцѣнности, онъ ожидаетъ, строя свои планы на будущее и отъ которой постоянно старается укрыться.

Арранжировка невроза.

Выросшее изъ реальныхъ впечатлѣній, позже тенденціозно закрѣпленное и подчеркнутое чувство малоцѣнности непрерывно побуждаетъ паціента въ дѣтствѣ къ установкѣ цѣли его стремленій, превосходящей всякую человѣческую мѣру, приближающей къ обожествленію и приводитъ къ шатанію по чрезмѣрно узкой направляющей линіи. Между этими двумя пунктами протянута невротическая система, жизненный

планъ невротика. Эта компенсаторная, психическая обработка считается со всѣми своими и чужими наблюденіями, тенденціозно ихъ уродуя и искажая ихъ значеніе или принимая въ разсчетъ ихъ истинное содержаніе, если оно удовлетворяетъ невротическія намѣренія.

При ближайшемъ разсмотрѣніи обнаруживается, какъ вполнѣ понятное явленіе, что всѣ эти линіи направленія повсюду снабжены предупредительными надписями и поощреніями, memento и призывами къ дѣлу, такъ что мы можемъ говорить о широко раскинутой защитной сѣти.

Мы всегда видимъ невротическую душевную жизнь, какъ надстройку надъ угрожавшей дѣтской ситуаціей, хотя-бы съ годами произошли внѣшнія перемѣны и большее приспособленіе къ дѣйствительности, чѣмъ это доступно было въ дѣтскомъ возрастѣ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что каждое душевное явленіе невротика, проникнутое этой окаменѣлой системой, кажется параболой, въ которой все таки бросаются въ глаза линіи направленія. Таковы—нервный характеръ, нервный симптомъ, направленіе, каждая уловка въ жизни, уклоненія и обходные пути, когда кризисъ грозитъ чувству божественности у невротика, его міровоззрѣнію и его отношенію къ мужчинѣ и женщинѣ и его сновидѣніямъ.

Что касается послѣднихъ, я описалъ еще въ 1911 г. ихъ главную функцію, согласно съ моими взглядами на неврозы, какъ упрощенныя развѣдки, предостереженія, поощренія, относящіяся къ невротическому плану жизни и рѣшенію стоящей передъ нимъ промблемы. (Zur Lehre vom Widerstand [1]) и Syphilidophobie [2]), Zentralbl. für Psychoanalyse, I. Bd. и подробнѣе въ Nervösen Charakter, 1912. Обстоятельныя разъясненія можно найти въ Traum und Traumdeutung, 1913).

Какъ образуется это поразительное однообразіе душевныхъ явленій, которыя всѣ захвачены потокомъ, стремящимся въ одномъ направленіи,—впередъ, къ мужественности, къ чувству богоподобія? Этотъ вопросъ уже поднимался мною въ моей неврологической, неполной съ современной точки зрѣнія и невѣрно оріентированной работѣ. (Über Zahlenanalysen und Zahlenphobie. Neurol.-psychiatr. Zeitschr. 1905).

Отвѣтъ легко можно найти въ вышеизложенномъ: гипнотизирующая цѣль невротика толкаетъ всю его душевную жизнь

[1]) Русск. перев. см. Психотерапія, № 2, 1912. Н. В.
[2]) Русск. перев. см. Психотерапія, № 4—5, 1912. Н. В.

къ этой единой установкѣ и, коль скоро жизненная линія пациента извѣстна, вы найдете пациента всегда тамъ, гдѣ можно ожидать, согласно его предпосылкамъ и его предыдущей исторіи. Сильное внутреннее побужденіе къ объединенію или къ столь-же стойкому раздвоенію его личности создается внутренней необходимостью и выявляется черезъ тенденцію защиты. Путь его неизбѣжно охраняется соотвѣтствующими шаблонами свойствъ характера, аффективныхъ подготовокъ и симптомовъ. Я хочу добавить здѣсь кое-что о «нарушеніяхъ аффекта» и о нервной «аффективности», чтобы показать, что безсознательная арранжировка въ цѣляхъ сохраненія жизненной линій является средствомъ и уловкой невроза [1]).

Такъ напр., пациентъ съ боязнью пространства, чтобы сложнымъ путемъ поднять свой престижъ дома и подчинить себѣ окружающихъ, начнетъ безсознательно и съ аффектомъ соединять «Iunktim» [2]) мысль объ одиночествѣ, о чужихъ людяхъ, о покупкахъ, о театрѣ, обществѣ и т. д. съ фантазіями о параличѣ, о родахъ на улицѣ, объ инфекціи. Преувеличенный защитный коэффиціентъ передъ мыслимыми возможностями ясно виденъ.

Въ этомъ замѣтна намѣренность, которая прослѣживается до ея конечной цѣли для ознакомленія съ жизненной линіей. Такова-же невротическая осторожность пациента съ припадками боязни. Взвѣшиваніемъ и обдумываніемъ онъ хочетъ спастись отъ принятія рѣшенія въ любовномъ дѣлѣ или какомъ либо предпріятіи, устанавливая доказательства своей болѣзни и подтверждая свою ситуацію тѣмъ, что связываетъ ее съ представленіемъ о разореніи, тюрьмѣ, безбрежномъ морѣ, погребеніи заживо или о смерти. Чтобы отклонить рѣшеніе въ любовномъ вопросѣ можетъ являться цѣлесообразнымъ такое сочетаніе представленій: мужчина и убійца или разбойникъ, женщина и сфинксъ или демонъ, или вампиръ. Каждая возможная неудача зловѣще чувствуется, благодаря сочетанію съ мыслями о смерти или беременности (также у мужчинъ—невротиковъ), и сопровождающій аффектъ принуждаетъ пациента уклониться отъ предпріятія. Въ фантазіи мать или отецъ часто фигурируютъ какъ возлюбленные или супруги, пока не завяжется крѣпкій узелъ, предохраняющій отъ сво-

[1]) См. О роли безсознательнаго, Zentralblatt f. Psychoanalyse, 1913. Januar. (Русск. перев. см. Психотерапія, № 1, 1913. Н. В.)

[2]) Iunktim: тенденціозное соединеніе двухъ мыслительныхъ и чувственныхъ комплексовъ, собственно не имѣющихъ ничего общаго между собою, съ цѣлью усиленія аффекта. То-же Metapher.

рачиванія съ брачнаго пути. Чтобы достигнуть божественнаго чувства всемогущества, конструируется и используется религіозное и этическое чувство грѣховности, какъ это часто бываетъ при неврозѣ навязчивости, напр., «если я не помолюсь вечеромъ, моя мать умретъ», мы должны подставить позитивную форму, чтобы понять фикцію богоподобія: «если я помолюсь, она не умретъ».

Рядомъ съ этими «запугиваніями», охраняющими преувеличенный идеалъ личности и невротическій путь къ нему, вы находите столь-же часто преувеличенныя «ожиданія»; неизбѣжно слѣдующее за ними разочарованіе ведетъ къ усиленнымъ аффектамъ печали, ненависти, недовольства, ревности и т. под. Принципіальныя требованія, идеалы, мечтанія, воздушные замки и т. под. играютъ тутъ огромную роль, и связывая ихъ съ какой нибудь личностью или положеніемъ, невротикъ можетъ все обезцѣнить и показать свое превосходство. Огромное значеніе любви въ жизни человѣка и исканія невротика сверхчеловѣческаго вліянія и значенія въ любви приводятъ къ тому, что арранжировка обманутаго ожиданія устанавливается очень часто и паціентъ уклоняется отъ сексуальной проблемы. Навязчивая мастурбація, импотенція, перверзіи и инверзіи, такъ же какъ и фетишизмъ, лежатъ всегда на линіи такихъ обходныхъ путей.

Какъ третій способъ конструкціи защиты отъ пораженія и тяжелаго чувства малоцѣнности, я коротко упомяну объ антеципаціи ощущеній, чувствъ и воспріятій, которыя по отношенію къ угрожающимъ ситуаціямъ имѣютъ значеніе подготовки, предостереженія или поощренія, въ сновидѣніи, при ипохондріи, при меланхоліи, вообще при бредѣ психозовъ, при неврастеніи и при галлюцинаціяхъ. Хорошую картину даетъ, можетъ быть, часто встрѣчающееся сновидѣніе дѣтей, что они мочатся въ постели,—для того чтобы независимо отъ интеллекта имѣть возможность развивать свою большей частью упорную привычку. Такимъ-же образомъ, картины табеса, паралича, настоящей эпилепсіи, паранои, болѣзней сердца и легкихъ могутъ получить примѣненіе для устраненія и защиты.

Чтобы дать наглядную, во всякомъ случаѣ чисто схематическую, картину своеобразной оріентировки невротиковъ (и психотиковъ) въ окружающемъ мірѣ, я предлагаю составить формулу изъ обычныхъ воззрѣній на нервозность и сравнить

ее съ другой формулой, соотвѣтствующей выше приведеннымъ воззрѣніямъ. Первая будетъ гласить:

Индивидуумъ+Переживаніе+Среда+Требованія жизни=Неврозу,

причемъ предполагается, что индивидуумъ отягощенъ малоцѣнностью, или наслѣдственностью или «сексуальной конституціей», аффективностью, характеромъ; переживанія, среда и внѣшнія требованія давятъ своею тяжестью паціента и вынуждаютъ его къ «бѣгству въ болѣзнь». Такой взглядъ очевидно не вѣренъ и не можетъ быть спасенъ гипотезой: минусъ въ осуществленіи желаній въ дѣйствительности переносится въ неврозъ.

Болѣе вѣрная формула должна бы гласить приблизительно такъ:

Оцѣнка (И.+П.+С.)+Арранжировка (переживаніе+характеръ+аффективность+симптомы)=Идеалъ личности.

Другими словами: единственный твердо установленный, или мысленно фиксированный пунктъ, это—идеалъ личности. Для того, чтобы приблизиться къ богоподобію, невротикъ предпринимаетъ тенденціозную оцѣнку своей индивидуальности, своихъ переживаній и своей среды. Но такъ какъ этого не достаточно для достиженія къ своей цѣли, то онъ провоцируетъ переживанія, дающія ему возможность удовлетворенія заранѣе намѣченныхъ потребностей — чувствовать себя въ пренебреженіи, обманутымъ, страдающимъ (Jacobsohn)—это создаетъ ему надежный и желанный базисъ для аггрессивности. Изъ дѣйствительности и изъ своихъ возможностей онъ строитъ черты характера и готовность къ аффектамъ, по количеству и по качеству соотвѣтствующія его идеалу личности,—это можно видѣть изъ предыдущаго изложенія и подробно описано мною въ Nervösen Charakter. При психозахъ преобладаетъ факторъ оцѣнки. Подобнымъ-же образомъ паціентъ сродняется съ своими симптомами, они формируются имъ сообразно со всѣмъ его опытомъ и кажутся необходимыми и цѣлесообразными для возвышенія его чувства личности. При такомъ modus vivendi, очерченномъ и прочно установленномъ, руководящей цѣлью нельзя найти никакого слѣда предопредѣляющей телеологіи. Невротическій жизненный планъ сохраняется только благодаря стремленію къ превосходству, предусмотри-

тельному уклоненію отъ опасныхъ рѣшеній, благодаря осторожному балансированію на немногихъ, тончайшихъ линіяхъ направленія и благодаря невѣроятно большой сѣти защитъ. Соотвѣтственно этому вопросъ о какомъ-либо сохраненіи или потери психической энергіи теряетъ всякій смыслъ. Паціентъ всегда разовьетъ именно столько психической силы, сколько ему надо, чтобы сохранить свою линію на пути къ превосходству, къ мужскому протесту, къ богоподобію.

Психическое леченіе неврозовъ.

Вскрытіе невротической системы или жизненнаго плана является самой существенной частью терапіи. Потому что этотъ планъ можетъ сохраниться въ своемъ цѣломъ только въ томъ случаѣ, если паціенту удается уберечь его отъ собственной критики. Частичный безсознательный снимокъ невротическаго, противорѣчащаго дѣйствительности, механизма объясняется прежде всего непоколебимой тенденціей паціента дойти до цѣли. [1]) Противорѣчіе съ дѣйствительностью въ этой системѣ связано съ недостаточной опытностью и другого рода отношеніями, которыя находились въ дѣйствіи въ періодъ возникновенія жизненнаго плана, въ раннемъ дѣтствѣ. Разумѣніе и пониманіе этого плана пріобрѣтается лучше всего искусснымъ проникновеніемъ, интуитивнымъ погруженіемъ въ существо паціента. При этомъ можно замѣтить, что невольно дѣлаются сравненія, между собой и паціентомъ, между различными пріемами послѣдняго и сходнымъ поведеніемъ другихъ различныхъ паціентовъ. Чтобы отыскать направленіе въ полученномъ матеріалѣ, въ симптомахъ, переживаніяхъ, образѣ жизни и развитіи паціента, я пользуюсь двумя предвзятыми посылками. Первая имѣетъ въ виду возникновеніе жизненнаго плана подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій (малоцѣнность органовъ, гнетъ въ семьѣ, первыя семейныя традиціи), и привлекаетъ мое вниманіе къ сходнымъ или подобнымъ способамъ реакціи въ дѣтскомъ возрастѣ. Вторая заключается въ принятіи вышеупомянутаго полученнаго эмпирически, фиктивнаго уравненія, согласно которому я приблизительно заношу свои впечатлѣнія. Дальше это будетъ пояснено примѣромъ.

Изъ моего описанія вытекаетъ далѣе, что я ожидаю отъ

[1]) О роли безсознательнаго, l. c.—«Духъ» повидимому, не спасаетъ отъ этого тенденціознаго укрыванья дѣйствительности. Богоподобіе разыгрываетъ иногда относительно терапевта удивительныя вещи.

пацієнта одинакового поведенія, всегда только одинаковаго поведенія, которое принято было имъ сообразно съ его жизненнымъ планомъ по отношенію къ лицамъ, ранѣе его окружившимъ, еще ранѣе по отношенію къ его семьѣ. Въ моментъ знакомства съ врачемъ, часто еще раньше, у пацієнта появляется такая же констелляція чувствъ, какъ въ другое время передъ важными особами. Что «перенесеніе» такихъ чувствъ или «сопротивленіе» начинается позже, то это заблужденіе: врачъ только распозналъ это нѣсколько поздно. Часто—слишкомъ поздно, если пацієнтъ между тѣмъ наслаждаясь, быть можетъ въ тайнѣ собственнымъ превосходствамъ, прекратитъ леченіе, или ухудшеніемъ симптомовъ создастъ, непереносимое положеніе. Что оскорбленіе пацієнта не допустимо объ этомъ мнѣ нечего говорить врачу, психологически образованному. Но это можетъ произойти безъ вѣдома врача, невинныя замѣчанія могутъ быть тендеціозно перетолкованы, пока врачъ не проникъ въ характеръ своего пацієнта. Поэтому, особенно въ началѣ, рекомендуется сдержанность и затѣмъ по возможности быстрое овладѣніе невротической системой. Обыкновенно это достигается приблизительно въ первые три дня при нѣкоторой опытности.

Еще большее значеніе имѣетъ необходимость удалить отъ пацієнта всякаго рода пункты, удобные для нападенія. Я могу въ этомъ мѣстѣ сдѣлать только нѣкоторыя указанія, предостерегающія врача отъ неуспѣха при леченіи пацієнта. Такъ, даже въ самыхъ вѣрныхъ случаяхъ никогда не слѣдуетъ обѣщать излеченія, но только возможность излеченія. Одной изъ важнѣйшихъ уловокъ психотерапіи требуется сдвигъ всей работы и результатовъ леченія на пацієнта, врачъ ставитъ себя по товарищески сотрудникомъ при исполненіи этой работы. Соединеніе условій гонорара и успѣха леченія создаетъ огромныя затрудненія для пацієнта. Въ этомъ пунктѣ надо держаться такого правила: пацієнтъ, жаждущій господства, всякое обязательство врача, даже и продолжительность леченія, используетъ для пораженія врача. Поэтому всякаго рода обоюдныя условія—время посѣщенія, откровенное довѣріе, вопросъ о гонорарѣ, безвозмездность леченія, сохраненіе врачемъ тайны и т. под.,—должны быть тотчасъ-же оговорены и должны быть выполнены. Всегда имѣется огромное преимущество, если пацієнтъ посѣщаетъ врача. И увѣренное предсказаніе трудности въ случаяхъ

съ обмороками, болями или боязнью пространства, значительно уменьшаетъ для начала работу: припадки обыкновенно прекращаются,—что подтверждаетъ нашъ взглядъ на сильный негативизмъ невротиковъ. Обнаруживать свою радость по поводу частичныхъ успѣховъ или даже хвалиться ими было бы большой ошибкой. Ухудшеніе не заставитъ себя долго ждать. Явный интересъ долженъ быть сосредоточенъ на трудностяхъ, безъ нетерпѣнія и безъ унынія, но съ хладнокровнымъ научнымъ дѣйствованіемъ.

Въ полномъ согласіи съ вышеизложеннымъ стоитъ основное правило: никогда не оставлять безъ возраженія и разъясненія навязываніе паціентомъ врачу возвышенной роли—учителя, отца, освободителя и т. под. Такія попытки представляютъ собою начало движенія паціента къ тому, чтобы привычнымъ способомъ унизить высокую персону и благодаря пораженію обезцѣнить его значеніе. Охраненіе какого-нибуть преимущества или привилегіи передъ паціентомъ всегда имѣетъ отрицательное значеніе. Необходимо также обнаруживать откровенность, но избѣгать совлеченія себя въ обсужденіе возникающихъ у врача сомнѣній. Еще рискованнѣе пользоваться услугами паціента, предъявлять къ нему требованія, возлагать ожиданія и т. под.

Когда эти и подобные имъ пріемы установили необходимыя условія равноправія, вскрытіе невротическаго плана жизни успѣшно идетъ впередъ за дружескимъ непринужденнымъ разговоромъ, причемъ всегда слѣдуетъ отдаться на волю паціента. Я всегда находилъ это чрезвычайно цѣннымъ, для изслѣдованія и разоблаченія линіи дѣйствій паціента именно со всѣми его формами выраженія и его ходомъ мыслей и въ то-же время для пріученія паціента безъ всякаго принужденія къ подобной работѣ.

Убѣжденность врача въ единой и исключительной невротической линіи направленія должна быть настолько твердой, что онъ съ полной правдивостью можетъ постоянно предсказывать паціенту его болѣзненныя арранжировки и конструкціи, постоянно ихъ отыскивать и разъяснять, пока паціентъ, пораженный этимъ, не откажется отъ нихъ—чтобы создать себѣ на ихъ мѣсто новыя, въ большинствѣ случаевъ, болѣе скрытыя. Какъ часто это будетъ повторяться, никогда нельзя предсказать заранѣе. Но въ концѣ концовъ паціентъ сдается, и тѣмъ легче, чѣмъ меньше

выросло въ немъ чувство пораженія изъ ситуаціи по отношенію къ врачу.

На линіи къ чувству какого-либо превосходства лежатъ какъ эти арранжировки, такъ и опредѣленные, субъективные источники ошибокъ, которые используются и удерживаются по той причинѣ, что они углубляютъ чувство малоцѣнности и возбуждаютъ и подстрекаютъ къ дальнѣйшимъ предохранительнымъ мѣрамъ. Такія ошибки съ сопровождающей ихъ тенденціей должны быть передвинуты въ поле зрѣнія паціента.

Примитивная схема апперцепціи паціента, которая всѣ впечатлѣнія оцѣниваетъ противоположно и тенденціозно групируетъ ихъ (вверху—внизу, побѣдитель—побѣжденный, мужской—женскій, ничто—все и т. д.), встрѣчается во всѣхъ случаяхъ и обнаруживаетъ свою незрѣлость, непрочность, но способность къ тенденціозной борьбѣ. Эта схема приводитъ къ тому, что въ душевной жизни невротика мы находимъ тѣ-же черты, что и въ первобытной культурѣ, гдѣ необходимость побуждала къ такимъ-же защитнымъ средствамъ. Было-бы фантазіей подозрѣвать въ подобныхъ аналогіяхъ что нибудь больше мимикріи, что нибудь вродѣ повторенія филогенеза. То, что у первобытнаго и также у генія является дерзновеннымъ, титаническимъ порывомъ—стремленіе изъ ничтожества къ божеству, созиданіе изъ ничего повелѣвающей міромъ святости, то у невротика въ сновидѣніи живетъ въ видѣ прозрачной буффонады, хотя и добавляетъ ему много страданій. Фиктивная побѣда, которой добивается нервный паціентъ своими уловками, существуетъ только въ его воображеніи. Необходимо противопоставить ему точку зрѣнія другихъ людей, которые большею частью принимаютъ подобнымъ же образомъ его превосходство, какъ доказанное, что ясно видно изъ любовныхъ отношеній невротика или изъ его перверзій.

Въ тоже время шагъ за шагомъ послѣдуетъ вскрытіе недостижимо высокой цѣли превосходства надъ всѣми, указаніе на тенденціозное замаскированіе этого, на властвованіе, все себѣ подчиняющее и всему дающее направленіе, и на обусловленную этой цѣлью связанность паціента. Также просто вы находите, какъ только матеріала у васъ достаточно, доказательство тому, что всѣ нервные черты характера, нервные аффекты и симптомы служатъ средствомъ частью для движенія по намѣченной

дорогѣ, частью для защиты. Очень важно пониманіе способа установки аффектовъ и симптомовъ, быстрота котораго зависитъ часто отъ описаннаго выше, безсмысленнаго Iunktim'a, дѣйствующаго тѣмъ не менѣе планомѣрно. Паціентъ несетъ Iunktim всякому навстрѣчу простодушно, въ большинствѣ случаевъ это можно заключить изъ его аналогичныхъ поясненій; изъ прошедшаго и изъ сновидѣній. Такая-же тенденція жизненной линіи обнаруживается въ воззрѣніяхъ паціента на міръ и на жизнь, равно какъ въ группировкѣ всѣхъ его переживаній и въ его отношеніи къ нимъ. Обманы и внесеніе на счетъ, одностороннія тенденціозныя нравоученія, безконечныя опасенія и явно неисполнимыя ожиданія вы находите на каждомъ шагу,—всѣ они служатъ тайному плану жизни паціента, для лучезарнаго пятаго акта. Приходится вскрыть много сдвиговъ и задержекъ, но это удается только при тщательномъ и постепенномъ уясненіи общей тенденціи.

Такъ какъ врачъ преграждаетъ путь невротическимъ стремленіямъ паціента, то къ нему и относятся какъ къ какой нибудь заставѣ или преградѣ, препятствующей достиженію высокой цѣли. Поэтому каждый паціентъ будетъ стараться обезцѣнить врача, лишить его вліянія, утаить отъ него дѣйствительное положеніе вещей, и всегда найдетъ новый оборотъ, который направитъ противъ психотерапевта. На это надо обратить особое вниманіе, потому что при правильно веденномъ леченіи этимъ чрезвычайно ясно обнаруживается тенденція больного установить и здѣсь свое превосходство съ помощью невроза. Въ особенности, чѣмъ дальше идетъ улучшеніе,—при затишьи царитъ обыкновенно сердечная дружба и миръ, но продолжаются припадки,—тѣмъ настойчивѣе стремленія паціента своей неисполнительностью, пустымъ времяпрепровожденіемъ, или прекращеніемъ леченія поставить подъ сомнѣніе его результаты. Иногда возникаетъ необыкновенная враждебность, которую, какъ и всѣ исходящія изъ подобной тенденціи явленія «сопротивленія», достаточно только вскрыть, если паціента постоянно заставляютъ останавливать вниманіе на послѣдовательности въ его поведеніи. Враждебное отношеніе родственниковъ паціента къ врачу я всегда нахожу очень полезнымъ и при случаѣ вызываю его намѣренно, потому что въ большинствѣ случаевъ вся семья больного отличается однородной нервной традиціей, и можно принести много пользы паціенту вскрытіемъ и разъясненіемъ

этихъ традицій. Окончательная перемѣна въ существѣ пацієнта можетъ быть дѣломъ только его самого. Я считаю наилучшимъ открыто сложить при этомъ руки, въ твердой увѣренности, что, какъ только больной узнаетъ свою линію жизни, онъ ничего больше не получитъ отъ меня, чего бы онъ самъ, какъ страдающій, не зналъ лучше меня,—это я всегда готовъ повторять.

Приложеніе.

Въ дальнѣйшемъ я хочу сообщить соотвѣтствующія вышеприведенному жизненному уравненію невротика, отдѣльныя выдержки изъ исторіи душевной жизни одного 22 лѣтняго пацієнта, избавившагося леченіемъ отъ навязчивой мастурбаціи, явленій депрессіи, неохоты къ работѣ и отъ застѣнчивой, конфузливой манеры держать себя. Раньше я долженъ замѣтить, что, соотвѣтственно этому уравненію, пацієнтъ тѣмъ больше вводитъ арранжировокъ (по отношенію къ соотвѣтствующимъ переживаніямъ, чертамъ характера, аффектамъ и симптомамъ), чѣмъ глубже оцѣнка его личности—произвольная или выросшая подъ давленіемъ неудачъ въ жизни. Этимъ объясняются какъ невротическіе припадки, такъ и выборъ невроза, такъ сказать хроническаго припадка: то и другое должно выдержать испытаніе пригодности для жизненнаго плана пацієнта.

Со стороны дифференціальной діагностики точка зрѣнія на эту связь имѣетъ огромное значеніе, но психотерапевту требуется основательное знаніе органическихъ нервныхъ заболѣваній и въ особенности общей патологіи, такъ какъ очень часто встрѣчаются смѣшанныя формы [1]).

Для большей наглядности для читателя, какъ при нѣкоторыхъ проблемахъ математики, разрѣшимыхъ только по такому-то способу, я возьму свою задачу сначала какъ бы разрѣшенною и попытаюсь, насколько это возможно въ бѣглой замѣткѣ, показать на дѣйствительномъ матеріалѣ правильность разрѣшенія. Я исхожу поэтому изъ предварительнаго предположенія: пацієнтъ стремится въ своемъ modus vivendi къ удовлетворенію, къ превосходству, къ богоподобію. Въ нашихъ непринужденныхъ бесѣдахъ пацієнтъ даетъ вскорѣ богатыя точки опоры для такого предположенія. Онъ ярко рисуетъ намъ особенное благородство своего семейства, его исключительность, основы принципа noblesse oblige, и какой вредъ причинилъ всѣмъ старшій братъ женитьбой на особѣ ниже

[1]) Ихъ обычно относятъ къ органическимъ заболѣваніямъ Я укажу недавно вышедшую серьезную работу проф. Obersteiner'a Uber pathologische Veranlagungen am Zentralnervensystem. Wien. klin Wochenschr. IV. 1913. (Появится, съ любезнаго разрѣшенія автора, въ русск. переводѣ въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ Психотерапіи. Н. В.).

своего положенія. Это высокое положеніе семьи понятно и даже необходимо, потому что поднимаетъ его собственный курсъ. Въ остальномъ онъ старается подчинить себѣ всѣхъ членовъ своего семейства добромъ или борьбой. Внѣшнее поведеніе показываетъ намъ также стремленіе вверхъ: онъ охотно влѣзаетъ на крышу фамильнаго зданія, доходитъ до самаго края, но не терпитъ, если другой членъ семьи осмѣлится это сдѣлать. Только онъ!—Въ дѣтствѣ онъ обнаруживалъ большое возбужденіе, когда его били, противился каждому принужденію и не терпитъ никакихъ воздѣйствій. Часто поступаетъ наперекоръ тому, что отъ него требуютъ другіе, особенно мать. Распѣваетъ и бормочетъ на улицѣ, въ публичныхъ мѣстахъ, чтобы показать міру свое презрѣніе (т. е. онъ арранжируетъ чувства превосходства). Въ первыхъ же сновидѣніяхъ онъ получаетъ между прочимъ предостереженіе не допускать себя до подчиненія мнѣ. Онъ боится наступить на тѣнь любого чебовѣка, чтобы (часто встрѣчающееся суевѣріе) не заразиться его глупостью (въ положительномъ смыслѣ: я умнѣе всѣхъ!) Чужихъ дверныхъ ручекъ онъ можетъ касаться только локтями, но не руками. (Всѣ люди грязны,—т. е. я только чистъ! Это является побуждающимъ мотивомъ къ мытью, страсти къ чистотѣ, боязни заразы, боязни прикосновенія).—Профессіональныя фантазіи: сдѣлаться авіаторомъ, милліардеромъ, чтобы осчастливить все человѣчество. (Онъ—какъ противоположность всѣмъ остальнымъ).—Сновидѣнія съ бѣгствомъ.—Все, что получается изъ такого ансамбля, указываетъ на высокую самооцѣнку.

Но если подойти ближе, то отъ судорожныхъ напряженій и странностей этого паціента вы скоро получите впечатлѣніе большого недовольства и неувѣренности. Вы увидите, что онъ постоянно возвращается къ своей слабой конституціи подробно обрисовывать свою женскую конструкцію сообщаетъ, что ему всегда объ этомъ говорили, и что его въ дѣтствѣ мучали сомнѣніями, выйдетъ ли изъ него когда нибудь настоящій мужчина. Выраженіе, что лучше было-бы ему родиться дѣвочкой, производило на него тяжелое впечатлѣніе. Раннее развитіе невротической системы, съ соотвѣтствующей аффективностью подтверждается рано появляющимися чертами упрямства, внезапной гнѣвливости, властолюбія и жестокости, чертами, имѣющими уклонъ въ мужскую сторону, направленными преимущественно противъ матери и сестры и легко вскрывающимися, напр., когда онъ приходитъ въ бѣшенство отъ требованія играть женскую роль въ маленькомъ спектаклѣ. Онъ настойчиво и съ тенденціозными опасеніями указываетъ на позднее выростаніе волосъ у него на тѣлѣ и фимозъ. (Малоцѣнность органовъ! См. Das organische Substrat der Neurosen, Ztschr. f. d. ges. Neurologie u. Psychiatrie. 1912. 3/4 H. u. Österr. Aerzteztg. 1912). Сомнѣніе въ своей пригодности къ мужской половой роли

глубоко сидитъ въ немъ, побуждаетъ его къ преувелинно мужскому способу дѣйствія въ нѣкоторыхъ направленіяхъ, также къ протестующему нарсицизму, и направляетъ постройку линіи жизни исключительно на любовь и бракъ. Такъ пришелъ онъ къ мастурбаціи и на ней остановился. Какъ бы явно ни ставилъ онъ на видъ свое стремленіе къ возвышенію, когда мы ищемъ подтвержденій для объясненія его поведенія, мы неизмѣнно наталкиваемся на глубокое и легко уходящее вглубь чувство малоцѣнности. Чтобы достигнуть увѣренности, онъ былъ вынужденъ такъ построить свою линію жизни, что она описала большую дугу вокругъ проблемы гетеросексуальности, и имѣлъ сексуальное направленіе, соотвѣтствующее его системѣ—мастурбацію. Послѣднее онъ долженъ былъ стабилизировать, какъ нѣчто принудительное, практиковать для защиты отъ угрожающаго сближенія съ женщиной, въ случаѣ своего сопротивленія добиваться съ помощью головной боли и облегчать погруженіемъ въ сонъ. Чтобы усилить свой страхъ передъ женщиной, онъ собралъ всѣ свои наблюденія, говорящія о вредоносной роли женщины. Другихъ случаевъ онъ не замѣтилъ. Все, что оставляло возможность любви и брака, онъ изгналъ разсужденіями вродѣ слѣдующихъ: жениться можно только, поставивъ себѣ идеалъ, который ему самому кажется недостижимымъ.

Кромѣ мастурбированія въ полуснѣ, онъ прибѣгалъ ко многимъ другимъ уловкамъ, изъ которыхъ наиболѣе вредными для его общественнаго положенія были—пристрастіе къ смѣнѣ профессій и полное нежеланіе работать. Смыслъ обоихъ легко расшифровывался: привычка медлить сохранялась какъ препятствіе для приближенія къ проблемѣ брака. Конструкція этическихъ и эстетическихъ шаблоновъ понятно охраняла его отъ проституціи и отъ «свободной любви».

Въ то-же время, арранжировка «привычки медлить» съ ея безчисленными, фатальными, сами собою возникающими переживаніями (вслѣдствіе запаздываній, лѣности, откладыванія и т. под.) создала ему возможность усилить вторую охраняющую конструкцію, интенсивнаго фамильнаго чувства, которое поставило его въ тѣсныя отношенія съ его неуступчивой, властолюбивой матерью. Именно его жизненныя затрудненія заставили его мать сосредоточить на немъ все свое вниманіе, такъ что существовало все-таки лицо женскаго пола, надъ которымъ онъ неограниченно властвовалъ. Онъ мастерски съумѣлъ привязать ее къ себѣ изображеніемъ своихъ угнетенныхъ состояній, собственными рисунками на письмахъ, изображающими револьверъ, а враждебныя нападки, такъ же, какъ и случайныя ласки, дѣлали ее всегда сговорчивой. Это было его оружіе, его уловки, для властвованія надъ матерью, и такъ какъ въ этомъ случаѣ сексуальная проблема исключалась, въ его отношеніи къ матери получалось снова подобіе его линіи жизни, на которой онъ искалъ владычества. Чтобы избѣжать другихъ женщинъ, онъ прилѣпился

къ матери, и въ подобныхъ случаяхъ можетъ оказаться карикатура инцестіознаго отношенія или линія жизни паціента отражается какъ «подобіе инцеста» (Nervöser Charakter, l. c.), буффонада нервной психики, которая не должна обманывать врача.

Терапевтическое леченіе должно быть направлено къ тому, чтобы показать паціенту, какъ онъ на яву и во снѣ по привычкѣ всегда старается возвратиться къ идеальной ситуаціи своей линіи жизни, пока онъ не сможетъ, вначалѣ изъ негативизма, позже, вслѣдствіе свободнаго рѣшенія, измѣнить свою жизненную линію и вмѣстѣ съ этимъ свою систему.

Перев. Н. Н. В.

Къ вопросу о сущности психоневрозовъ.

А. Б. Залкинда.

(Окончаніе).

Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что за нѣкоторыми исключеніями психоневротикъ могъ бы избѣжать заболѣванія, если бы сумма окружающихъ условій лучше соотвѣтствовала его природнымъ даннымъ, его индивидуальнымъ стремленіямъ, запросамъ, способностямъ, съ ранняго дѣтства; —наоборотъ, онъ далъ бы тогда, вслѣдствіе свойственнаго ему особенно сильно напряженнаго инстинкта жизни, больше цѣнныхъ творческихъ продукцій, чѣмъ такъ называемый «здоровый», спокойно совершающій свое шествіе по житейскому пути. Онъ оказался бы здѣсь даже здоровѣе послѣдняго, т. к. лично ему и людямъ отъ такой комбинаціи создалось бы неизмѣримо больше цѣнностей, ибо критеріемъ здоровыхъ состояній для насъ является объективная полезность ихъ личности и обществу, а этому критерію подобный убереженный невротикъ удовлетворялъ бы вполнѣ.

Но какъ же быть съ дегенераціей, скажутъ мнѣ, какъ быть съ специфической, дегенеративной, патологической конституціей—вродѣ истеріи или психастеніи, напримѣръ? Здѣсь необходимо намѣтить строгія границы для термина «дегенерація». Дегенеративными надо считать такія явленія, которыя обезцѣниваютъ общую жизнеспособность индивидуума, которыя мѣшаютъ его цѣлесообразному приспособленію въ борьбѣ за существованіе. Нельзя считать дегенерантомъ талантливаго музыканта, художника, ученаго только потому, что за счетъ особенно сильно развившихся спеціальныхъ духовныхъ функцій, личность его потерпѣла ущербъ въ области

вопросовъ реальнаго, житейскаго, или соціальнаго порядка. Въ яркихъ индивидуальностяхъ вообще довольно рѣдки идеальныя гармоническія сочетанія—всегда одна сфера, наиболѣе сильная, обогащается на средства истощающейся другой. Личный и соціальный выигрышъ изъ этой комбинаціи, хотя бы связанной съ внѣшнимъ уклоненіемъ отъ пресловутой, офиціальной нормы,—служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что подобныя состоянія нельзя причислить къ дегенеративнымъ. Вѣрнѣе, такъ какъ типъ невротика подходитъ болѣе подъ эту разновидность яркой индивидуальности, нѣсколько несимметрично развившейся уже вслѣдствіе самой своей сложности,—дегенеративными приходится назвать тѣ условія жизни, то соціальное и воспитательное болото, которое систематически мѣшаетъ проявленію этихъ цѣнныхъ творческихъ потенцій. Большинство невротиковъ правильнѣе было бы назвать недоносками, такъ какъ они родились преждевременно, задолго раньше до того срока, когда условія жизни могли бы соотвѣтствовать совершенствованію ихъ тонкихъ, чуткихъ, сложныхъ свойствъ. Но недоноски—не дегенеранты; не заболѣвшій еще невротикъ—это хотя и не достаточно созрѣвшее, но все же, въ потенціи, по крайней мѣрѣ, несомнѣнное явленіе прогресса жизни, а никакъ не упадка. Наиболѣе убѣдительныя доказательства тому дастъ намъ профилактика и психотерапія неврозовъ, во-первыхъ, и дальнѣйшее севершенствованіе общихъ условій жизни человѣчества, во-вторыхъ.

Нѣтъ-ли все таки въ самомъ существѣ психоневротика такихъ явленій, которыя фатально обезцѣниваютъ его жизненныя продукціи, суживаютъ границы его творчества, и волей неволей, при самыхъ идеальныхъ условіяхъ, мѣшаютъ раціональному использованію его афективности? Нѣтъ-ли въ немъ конституціонально тормозящихъ его развитіе чертъ, при наличности которыхъ онъ не въ силахъ будетъ все равно дорости до нормы? Неужели, скажутъ мнѣ, могутъ способствовать совершенствованію личности хроническая наклонность къ суженію поля сознанія, къ амнэзіямъ, параличамъ, —или же вѣчное чувство неполноты, постоянныя сомнѣнія, навязчивыя состоянія? Конечно, если бы всѣ эти явленія были бы первичными, если бы они были заложены готовыми въ психику,—создалась бы тяжкая неустранимая помѣха совершенному развитію съ безмѣрнымъ ограниченіемъ поля и силы творческихъ концепцій—но къ счастью, эти состоянія, по-

видимому, приходится включить въ группу вторичныхъ, а потому они въ теоріи пока хотя бы могутъ быть устранимы, —и вотъ почему.

Надо помнить, что мы рѣзко разграничиваемъ чистыя формы психоневрозовъ отъ явленій душевной дебильности, отъ вялыхъ видовъ истинной стойкой мозговой дегенераціи или отъ начальныхъ стадій психозовъ—типа dementia praecox, циркулярнаго и пр. Возможны комбинаціи этихъ состояній, но тогда, коль скоро индивидуальный анализъ болѣзни выяснитъ, что здѣсь нѣтъ чистой формы невроза, вышеизложенная концепція ихъ не цѣликомъ затрагиваетъ, а въ особо тяжкихъ случаяхъ и вовсе ихъ не касается. Установить же наличность этихъ привходящихъ отрицательныхъ состояній при тщательномъ изученіи не такъ ужъ трудно. Дегенераты обладаютъ общей дебильностью, ограниченіемъ предѣловъ своихъ творческихъ потенцій во всѣхъ областяхъ жизни, причемъ эта недостаточность врожденна, конституціонально, и можетъ подъ вліяніемъ благопріятныхъ внѣшнихъ условій лишь нѣсколько ослабѣть, но не исчезнуть, между тѣмъ, чистые невротики, не обремененные дегенераціей, а таковыхъ очень много—при соотвѣтствующей жизненной ситуаціи, независимо отъ тяжести и глубины прежнихъ механизмовъ, гдѣ заболѣванія могутъ дать яркіе и многообъемлющіе образчики творчества. Несомнѣнно, что нераціонально воспитанные съ ранняго дѣтства, они никогда не представятъ собою почвы, застрахованной отъ болѣзни, т. к. все таки первичная жизненная «установка» опредѣляется ранними годами. Но зато, при иныхъ психологическихъ условіяхъ, картина получилась бы совсѣмъ, совсѣмъ другая.

И вотъ здѣсь то, въ довольно часто встрѣчающейся чистой формѣ невроза, безъ дебильнаго или психознаго оттѣнка,—эти такъ называемые психическіе стигматы истеріи или психастеніи смѣло можно назвать вторичными—по слѣдующимъ мотивамъ:

Нужно думать, что существуютъ двѣ разновидности нормальной человѣческой психики: типъ синтетическій и типъ аналитическій,—съ системой централизаціи или децентрализаціи,—со способностью къ состояніямъ спаяннымъ или разсѣяннымъ. Имѣются многочисленныя по оттѣнкамъ комбинаціи этихъ двухъ типовъ, но бываютъ и чистыя формы. Представители перваго вида обыкновенно обладаютъ интуитивными чертами, мыслятъ дедуктивно, живутъ концентрированными состо-

яніями. Второй же типъ, наоборотъ, мыслитъ индуктивно, не экономно—интуитивнымъ путемъ, а болѣе медленными, закономѣрными логическими построеніями, живетъ цѣлой системой связанныхъ другъ съ другомъ состояній. Понятно, что въ итогѣ, по существу, эти двѣ категоріи не представляютъ контраста, такъ какъ психическіе и физіологическіе процессы, характерные для нихъ, подчиняются совершенно однимъ и тѣмъ же законамъ. Разница лишь въ томъ, въ какой степени протекаютъ они подъ контролемъ нашего активнаго, субъективнабо сознанія и это вотъ является причиной отличія степени ихъ быстроты и спаянности, такъ какъ извѣстно, что продукціи автоматически дѣйствующаго безсознательнаго болѣе экономны и схематичны, чѣмъ, то, что говорится въ ясномъ сознаніи; несомнѣнно, что и въ первомъ случаѣ мы имѣемъ ту-же непрерывную цѣпь тѣхъ же самыхъ логическихъ концепцій, ту-же разлитую систему связанныхъ другъ съ другомъ состояній, но наше ограниченое, такъ называемое субъективное «я» осознаетъ лишь быстро подведенные безсознательной сферой итоги этихъ процессовъ, лишь концентрированный экстрактъ этихъ переживаній. Между тѣмъ, во второй категоріи, поле личнаго сознанія расширено, активный контроль увеличенъ, и потому процессы текутъ медленнѣе, производятъ впечатлѣніе разсѣянныхъ.

Итакъ, подобныя двѣ разновидности, разныя конституціональныя, если угодно, степени величины активнаго поля сознанія свойственны и такъ называемой абсолютно-здоровой психикѣ. И, если, послѣ длительныхъ волненій, аффективный тонъ того или иного психическаго процесса, того или иного переживанія, по требованію цѣлесообразности оказывается иногда особенно великимъ у того же здороваго человѣка,—онъ продуцируетъ тогда въ первомъ случаѣ состояніе, подобное истерическому,—во второмъ—психастеническому. Душевныя состоянія приковываютъ къ себѣ активное вниманіе, большую или меньшую часть сознательной наличности въ зависимости отъ силы аффективнаго тона ихъ. Если послѣдній чрезвычайно ярокъ у представителя первой группы, а таковымъ онъ можетъ быть и у архи-здороваго человѣка, когда задѣты наикрупнѣйшіе его интересы, то они захватываютъ собою все поле яснаго сознанія, изолируютъ для даннаго момента всѣ интересы, импульсы въ эту строго замкнутую сферу, которая откалывается на время отъ остальной душевной жизни, до поры, пока исчезнетъ обстоятельство, вызвавшее это состояніе. Явле-

ніе какъ бы классическаго припадка истеріи у совершенно здороваго человѣка, въ періодъ, когда онъ остро переживаетъ вопросъ жизни и смерти; разница лишь въ томъ, что всегда аффективный невротикъ переживаетъ подобные моменты гораздо чаще, такъ какъ въ силу избыточной аффективности, онъ съ особой страстностью относится къ вопросамъ своего бытія. Имъ вопросъ жизни и смерти остро ставится на каждомъ шагу, что и вызываетъ припадки болѣе частые.

Въ подобномъ quasi-истерическомъ состояніи здороваго возможны также и амнэзіи, хотя бы частичныя, конечно, въ меньшей степени, чѣмъ у истинныхъ истериковъ, страдающихъ въ силу своей аффективности хроническимъ суженіемъ поля сознанія, но надо помнить, что и у послѣднихъ никогда не бываетъ полной амнэзіи, такъ какъ по дальнимъ или близкимъ ассоціативнымъ путямъ всегда можно возстановить воспоминаніе о припадкѣ.

Итакъ, по видимому, нужно предположить, что у такъ называемыхъ истериковъ, вовсе нѣтъ специфическихъ характерныхъ для нихъ стигматовъ. Они имѣютъ общую душевную конструкцію, свойственную и здоровнымъ людямъ—если угодно, конституцію съ узкимъ полемъ субъективно-активнаго сознанія, которая сама по себѣ, безъ помощи другихъ факторовъ, никогда не создала бы болѣзни, такъ какъ она можетъ принадлежать и представителямъ высшей нормы. Факторамъ, способствующимъ здѣсь заболѣванію, оказывается все та же яркая избыточная аффективность, которая выявляетъ себя тутъ въ истерическихъ формахъ, или, вѣрнѣе въ формахъ съ суженіемъ поля сознанія лишь потому, что въ данномъ случаѣ именно таковъ индивидуальный типъ психики. Слѣдовательно, не въ какой либо специфической, патологической конституціи, не въ спеціальныхъ, элементарныхъ душевныхъ нарушеніяхъ приходится искать причины заболѣванія, а въ тѣхъ же выше указанныхъ условіяхъ, мѣшавшихъ раціональному использованію аффективности.

Въ чистыхъ типахъ второй категоріи, если здоровый представитель ея точно также, послѣ періода длительнаго волненія, перенесетъ въ силу объективно-жизненныхъ причинъ особенно-тяжкій, бурно-аффективный моментъ, — онъ продуцируетъ тогда состояніе со всѣми чертами такъ называемаго психастеническаго припадка. Всѣ душевные процессы, текущіе въ предѣлахъ широкаго поля сознанія, пріобрѣтаютъ особую силу. Каждый актъ анализа продѣлывается особенно

тщательно, вызываетъ цѣлую груду пограничныхъ сцѣпленій создаетъ рядъ сомнѣній, опасеній, страховъ. Въ случаѣ безысходной неясности какого-либо пункта, онъ пріобрѣтаетъ особенно яркую аффективную силу и становится навязчивымъ Опять таки разница между этимъ quasi-психастеническимъ состояніемъ и истиннымъ приступомъ заболѣванія лишь въ степени частоты, и въ глубинѣ захвата, пріобрѣтаемой вслѣдствіе привычнаго повторенія ихъ, все также на почвѣ непрерывнаго, избыточнаго горѣнія аффективности.

Спеціальная же конституція съ широкимъ полемъ субъективно-активнаго сознанія и здѣсь ни къ чему не ведетъ, безъ избыточной аффективности она принадлежитъ и здоровой психикѣ;—аффективность эта лишь используетъ ее потомъ, какъ полотно для картины и только.

Одна лишь бьющая черезъ край, по причинамъ, далеко не фатальнымъ, разобраннымъ вначалѣ, аффективность создаетъ нераціональные комплексы и реакціи, продуцируетъ болѣзненныя состоянія и используетъ самыя нормальныя свойства во вредъ личности, выливаясь въ патологическую форму, соотвѣтствующую ея естественному психо-біологическому складу. Ничего же специфическаго, конституціонально-патогеннаго нѣтъ въ обыкновенномъ неврозѣ. Мы не имѣемъ права утверждать, что люди съ типомъ особенно—узкаго субъективно-активнаго сознанія или, наоборотъ, болѣе подвержены неврозу, чѣмъ другіе. Безъ пато-аффективной подпочвы эти черты—лишь указаніе на ту или иную естественную группу человѣческой психики и только.

Итакъ, если жизненныя положенія понуждаютъ въ теченіе очень долгаго времени здороваго человѣка пребывать въ состояніи сильнаго аффективнаго напряженія, въ результатѣ, если только онъ не принадлежитъ къ типу архи-флегматическихъ натуръ—въ психикѣ его создается тоже почва, весьма благопріятствующая проявленію либо частичныхъ неврозныхъ механизмовъ, либо даже общаго разлитого психо-невроза. Густота окраски этихъ продукцій будетъ, конечно, менѣе интенсивной, чѣмъ у истинныхъ невротиковъ, такъ какъ аффективный тонъ ихъ болѣе слабъ; вѣдь вложенный въ организмъ зарядъ потенціальной, сырой аффективности не увеличишь,—онъ лишь находится здѣсь въ состояніи особенно сильнаго, хроническаго напряженія,—но все же и это позволяетъ, однако, даже подобной психикѣ творить настоящія неврозныя состоянія—хотя бы и не весьма яркихъ оттѣнковъ, и характеръ,

индивидуальная форма такого невроза опять вытекаетъ изъ той естественной группы человѣческой психики, къ которой принадлежитъ нашъ больной.

Точно также, наоборотъ, если съ ранняго дѣтства создать благопріятное, многообъемлющее спокойное русло для сублимаціи повышенной аффективности кандидата въ невротики,—если до эпохи его созрѣванія мы дадимъ ему возможность вырастить, развить, зафиксировать достаточное ему количество непрерывно-взаимо-связанныхъ, объективно полезныхъ, устойчивыхъ комплексовъ,—они будутъ для него впослѣдствіи твердымъ, надежнымъ оплотомъ, болѣе сильнымъ, болѣе упругимъ даже, чѣмъ у такъ называемыхъ средне-здоровыхъ, такъ какъ аффективный тонъ ихъ неизмѣримо ярче; и здѣсь такъ же, какъ и у послѣднихъ, не окажется тогда впредь мѣста для патологическихъ концепцій, не хватитъ имъ аффективной пищи, цѣликомъ уходящей теперь лишь на жизненныя, творческія продукціи. Пресловутыя же естественныя способности къ суженію или расширенію поля сознанія и здѣсь также, какъ и всюду, будутъ лишь чертами типа, а никакъ не почвой для невроза. Весь вопросъ о неврозахъ рѣшается задержкой аффективности на отрицательномъ крылѣ психики и нераціональной сублимаціей ея.

Исходя изъ всего вышеизложеннаго, можно понять, въ къ какомъ отношеніи къ развивающемуся психо-неврозу находятся мораль, религія, любовь къ родителямъ, сексуальность, честолюбіе и проч. Эти области суть частныя проявленія общаго душевнаго фона, скомбинированнаго изъ непрерывнаго ряда комплексовъ, заключающихъ въ себѣ весь психическій опытъ человѣка. Это итоги тѣхъ многообразныхъ впечатлѣній и реакцій, которыя онъ накоплялъ всю жизнь, это само содержимое послѣднихъ. Душевные комплексы,—это комплексы моральные, религіозные, сексуальные и проч.;—акты психическаго приспособленія—это переживанія моральныя, религіозныя и пр. Нераціональная конструкція психической части комплексовъ—это уродливо развившаяся мораль, сексуальность и т. д., приковывающая къ себѣ maximum аффективности человѣка, и тѣмъ создающая неврозъ. Изъ указанныхъ областей наисильнѣйшимъ значеніемъ проявить себя можетъ любая изъ нихъ, съ которой по индивидуальнымъ условіямъ жизни больного, связывается въ одно время и больше интересовъ, и больше заблужденій, лжи, предразсудковъ,—это великолѣпная атмосфера для производства патогенныхъ комплексовъ.

Психическое здѣсь посредствующее звено между внѣшней дѣйствительностью и организмомъ, всѣ акты жизненнаго приспособленія организма проходятъ сквозь него, и потому весь личный опытъ организма, все то, что онъ пріобрѣлъ уже послѣ рожденія, носитъ на себѣ неизмѣнный отпечатокъ психическаго. А отсюда разстройство приспособленія организма въ сферѣ юной части его функцій, поскольку оно исходитъ именно изъ этой области опыта, является разстройствомъ психогеннымъ, что и даетъ ему названіе «психоневрозъ».

Сонъ В. М. Гаршина.

Психоневрологическій этюдъ къ вопросу о самоубійствѣ.

I. А. Бирштейна.

Въ замѣткѣ П. Быкова «Лучезарной памяти» приведенъ текстъ сновидѣнія, разсказаннаго В. Гаршинымъ автору воспоминаній о трагически погибшемъ писателѣ.

«Я видѣлъ себя заблудившимся въ широкомъ полѣ, безбрежномъ, какъ море. Поле было голое, почва раскаленная. Надо мною сверкало небо съ какимъ-то красноватымъ отливомъ, и мнѣ почему-то казалось, что это разжиженная кровь. И, несмотря на дневной свѣтъ, на небѣ была звѣзда, которая шла впереди меня и словно указывала путь. «А почему я долженъ итти именно по ея направленію», думалось мнѣ, и я, наперекоръ звѣздѣ, повернулъ въ обратную сторону. И что-же? Она какая-то роковая, властная, снова очутилась впереди меня, на моемъ пути. Съ упорствомъ, на яву мнѣ несвойственнымъ, я повернулъ влѣво и даже страшился взглянуть на небо. Я опустилъ голову внизъ и все-же чувствовалъ ее надъ собою. Я остановился, присѣлъ отдохнуть—недвижно стояла и моя звѣзда. Мнѣ казалось, что я отдыхалъ долго. Я вскочилъ и бросился бѣжать въ противоположную сторону. Бѣжала и звѣзда со мною и, наконецъ, предо мною открылись неясныя очертанія города. Я ускорилъ шаги, но на пути моемъ выросъ густой лѣсъ изъ пальмъ всевозможныхъ видовъ. Я очень люблю пальмы, но тутъ онѣ сердили меня, потому что я не видѣлъ выхода изъ этого лѣса. А, между тѣмъ, шумъ изъ города усиливался. Я слышалъ явственно крики и стоны и пламенно желалъ поскорѣе прит-

ти на помощь кому-то. Сквозь густыя верхушки деревьевъ я съ трудомъ отыскалъ свою звѣзду. Она горѣла еще ярче, а небо темнѣло и сумеречныя тѣни уже двигались. Лѣсъ остался далеко у меня позади. Городъ былъ въ двухъ шагахъ отъ меня... И, вдругъ, звѣзда моя погасла. Темнота густая, безпросвѣтная хлынула на меня... Я проснулся, но долго недоумѣвалъ, во снѣ-ли это было или у меня бредъ на яву»...

Какъ извѣстно, Гаршинъ страдалъ тяжелымъ неврозомъ, приведшимъ его къ самоубійству на 33-мъ году его жизни. Формой самоубійства онъ выбралъ прыжокъ въ пролетъ грязной лѣстницы своей квартиры. Его подняли разбитаго, съ переломанной ногой. На вопросъ, очень-ли ему больно, умиравшій отвѣтилъ: «Что значитъ боль въ сравненіи съ тѣмъ, что здѣсь!» и онъ указалъ на сердце... Страдая періодическими обостреніями депрессивныхъ состояній, онъ искалъ спасенія во многомъ: въ физическомъ трудѣ, въ поѣздкахъ на югъ. И вотъ какъ разъ, 17 марта 1888 года, наканунѣ предполагавшагося отъѣзда на югъ, «предчувствуя» приближеніе новаго проявленія безумія, Гаршинъ привелъ надъ собой въ исполненіе смертный приговоръ.

Внимательное разсмотрѣніе біографическихъ данныхъ, имѣющихся въ достаточномъ количествѣ (къ сожалѣнію, о раннихъ дѣтскихъ переживаніяхъ писателя, объ отношеніяхъ его къ родителямъ, въ частности, къ матери, брату и др. мнѣ немногое извѣстно), даетъ возможность болѣе или менѣе точнаго опредѣленія натуры Гаршина. Эта возможность вытекаетъ изъ знанія основныхъ психологическихъ положеній, разработанныхъ и утвержденныхъ Альфредомъ Адлеромъ и его школой.

Какъ извѣстно, сновидѣнія («во снѣ или бредъ на яву») значительно облегчаютъ наши психоаналитическія задачи. Поэтому я намѣренъ использовать приведенное сновидѣніе для того, чтобы въ конечномъ результатѣ его анализа съумѣть приблизиться къ схематическимъ очертаніямъ душевной конституціи Гаршина.

Итакъ: «Я видѣлъ себя заблудившимся въ широкомъ полѣ, безбрежномъ, какъ море»... Символическое изображеніе чувства своей безпомощности, растерянности, инфантилизма—въ общемъ—«малоцѣнности» на землѣ, въ условіяхъ реальности.

«Поле голое, почва раскаленная»... «Голое поле»—это

пустыня, гдѣ человѣку нечего дѣлать, гдѣ грозитъ ему гибель со всѣхъ сторонъ. «Раскаленная почва» обжигаетъ ноги и, естественно, ведетъ къ желанію уйти или подняться выше, значитъ,—къ невозможности, т. е. нежеланію пребывать на нестерпимой почвѣ пустыни—реальности. (Подчеркнутая тенденція обезцѣнить земное и психологическая мотивировка отшельничества, аскетизма). Стремленіе подняться въ высь выражено въ воспріятіи «сверкающаго неба». Однако, и оно отражаетъ въ себѣ «раскаленную почву» и «красноватый его отливъ напоминаетъ разжиженную кровь». Это—сомнѣніе, нерѣшимость, колебаніе въ безповоротномъ выборѣ жизненнаго плана: оставаться на землѣ невозможно (чувство малоцѣнности обусловливаетъ сверхкомпенсацію); взглядъ обращается къ небеснымъ высотамъ, которыя все-же лишены идеалистическаго колорита, ибо, отражая въ себѣ «раскаленную почву», немногимъ отличается отъ земныхъ низинъ!

Почему красноватый отливъ неба сравнивается съ цвѣтомъ «разжиженной крови»? Не указываетъ-ли разжиженіе крови на отсутствіе цѣльности, на раздвоеніе души, личности, сердца—«крови»? Нельзя-ли въ этомъ символѣ увидѣть продолженіе того-же психическаго тормаза, мѣшающаго придти къ опредѣленному рѣшенію въ утвержденіи того или другого жизненнаго пути?

Въ сновидѣніи совершается своего рода проба, примѣрка; душевные импульсы подвергаются разносторонней оцѣнкѣ и освѣщенію. Отмѣчаются явныя черты конфликта и борьбы. Съ кѣмъ или чѣмъ? Съ жизнью, со вселенной, а видимо—съ самимъ собой въ формѣ «яко-бы» искреннихъ, а въ дѣйствительности,—симулятивныхъ попытокъ остаться на землѣ, оріентироваться въ реальномъ, ибо «небо», отражая «земное» идентифицируется съ реальностью. Такимъ образомъ, симуляція сводится къ кажущемуся примиренію съ дѣйствительностью. Такого рода психическія усилія, такую внутреннюю борьбу между сознательными элементами и безсознательнымъ стремленіемъ къ «сверхкомпенсаціи», къ отрѣшенію, либо видоизмѣненію дѣйствительности, намъ приходится встрѣчать сплошь и рядомъ при анализѣ невротическихъ натуръ. Уже сама инсценировка борьбы даетъ намъ поводъ къ заключенію о ея свойствѣ, какъ безсознательной, а иной разъ почти сознательной душевной конструкціи, психическаго пріема, имѣющаго въ виду, въ перспективѣ, все-же восторжествованіе истиннаго смысла натуры: реализаціи власто-

любія (Der Wille zur Macht, Ницше), поднятія «къ верху», паренію надъ міромъ и, въ концѣ концовъ, наивозможно близкаго подхожденія къ принципамъ Божественности.

И, дѣйствительно: «несмотря на дневной свѣтъ, на небѣ была звѣзда, которая шла впереди меня и словно указывала путь». Дневной свѣтъ, какъ образное выраженіе реальной жизни, не долженъ и, значитъ, не можетъ препятствовать поступательному движенію личности къ галлюцинаторной (для сновидца—съ печатью реальности), фиктивной, ибо недосягаемой конечной точкѣ—звѣздѣ. Эта «звѣзда» указываетъ, т. е. даетъ направленіе единственно серьезно намѣченному пути «къ верху». И въ ней сосредоточено содержаніе всей динамики фиктивнаго жизненнаго плана «нервнобольного» Гаршина.

И, все таки, еще разъ демонстрація борьбы съ самосозданной фикціей. На этотъ разъ, быть можетъ, въ антиципаціи мотивовъ, влекущихъ къ смиренію, къ примиренію съ дѣйствительностью и отрѣшенію отъ недостижимаго. Страхъ, неувѣренность въ своихъ силахъ диктуютъ Гаршину сознательную мотивировку для яко-бы необходимаго отступленія отъ миражныхъ импульсовъ, и онъ восклицаетъ: «А почему я долженъ итти именно по ея направленію.. и я, наперекоръ звѣздѣ, повернулъ въ обратную сторону».

Упомянутыя чувства неувѣренности, сомнѣнія въ своихъ возможностяхъ приводятъ Гаршина къ реконструкціи тормозящихъ элементовъ, ибо завѣтный идеалъ его психической структуры—это сохранить во что-бы то ни стало непомѣрно высокое (сверхкомпенсаторное) стояніе своей личности, всѣми силами оберегать ее отъ возможнаго пониженія ея уровня. Отсюда результируютъ психическія задержки предъ моментами безповоротныхъ рѣшеній и цѣлый рядъ предохранительныхъ мѣропріятій, («Memento», Адлера), реализующихся въ стройной, цѣлесообразной и планомѣрно разработанной системѣ психоневротическихъ симптомовъ. Видимые симптомы, непонятные иногда на первый взглядъ психоневрологу и совершенно чуждые, какъ-бы абсурдные, для самого невротика—при детальномъ разсмотрѣніи (анализѣ) дешифрируются въ видѣ глубокомысленныхъ, закономѣрныхъ дѣйствій и чувствованій, всецѣло согласующихся съ основнымъ, окаменѣлымъ содержаніемъ характера, который въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ невротическаго заболѣванія сводится къ

схематической и весьма опредѣленной чувственной формулѣ: къ власти и превосходству надъ всѣмъ міромъ.

Чтобы осуществить, реализовать эту абстрактную формулу имѣются два кардинальныхъ пути: непосредственной, прямой, активной агрессивности и путь обходный, также агрессивный, но пользующійся пассивными, ложно-мазохистическими пріемами—средствами, которыя, въ качествѣ компромисса, склонны обслуживать, въ равной мѣрѣ, тенденцію поступательной агрессивности и столь нужное обереганіе личнаго «я»—въ тѣхъ случаяхъ, когда таковому грозитъ реальная или подтасованная, галлюцинаторная возможность пораженія или укороченія.

Первый путь—это путь людей, стремящихся къ идеѣ могущества и превосходства въ предѣлахъ человѣческихъ достиженій. Принадлежа къ категоріи приблизительно нормальныхъ («приблизительно» потому, что абсолютной нормы не существуетъ: тенденціозное стремленіе къ «власти», присущее всему человѣчеству, содержитъ въ себѣ понятіе фикціи. Внѣ ея нельзя себѣ представить возможности мышленія и дѣйствій. Въ ней—динамика жизни), они развиваютъ операціонную дѣятельность своихъ стратегическихъ задачъ на прочной основѣ земного фундамента. Они знаютъ, чего хотятъ, они знаютъ, что могутъ, они владѣютъ почти безошибочной самооцѣнкой и, поэтому, легко оріентируясь въ условіяхъ военно-жизненныхъ операцій, безъ аффективныхъ трудностей или съ кратковременнымъ чувствомъ неудовольствія отступаютъ тамъ, гдѣ внутренній голосъ надлежащей самооцѣнки подсказываетъ имъ истинную (не галлюцинаторно-тенденціозную) возможность пораженія. Реагируя трезво, безъ чувственнаго ударенія, безъ предвзятости, они склонны всякій разъ, когда приходится, перенести главную базу активныхъ мѣропріятій въ сторону меньшаго сопротивленія, въ разсчетѣ на реальный выигрышъ и, такимъ образомъ, переходятъ къ очереднымъ дѣламъ жизни съ принятіемъ формулы искренняго смиренія.

Второй путь присущъ людямъ съ такъ называемымъ, «нервнымъ характеромъ». Этотъ послѣдній отличается отъ «нормальнаго» исключительно тѣмъ, что фикція, въ немъ заложенная (также ведущая къ принципу власти), установлена внѣ сферы соціальныхъ возможностей.

Въ силу упомянутаго выше «чувства малоцѣнности» и связанной съ нимъ неудачной компенсаціи, создается психи-

ческій феноменъ «сверхкомпенсаціи», родственный или, вѣрнѣе, идентичный принципу «мужского протеста».

Динамическіе моменты агрессивности уже не въ состояніи черпать удовлетворенія изъ содержимаго примитивно-естественныхъ реальныхъ комбинацій. Они простираются далеко за предѣлы существующаго и фиксируются на какой-либо миражной, отвлеченной (однако, истинной для субъекта) точкѣ—путеводной звѣздѣ. Эта точка и есть та конечная цѣль, къ которой красными нитями тянутся всѣ частныя психофизическія проявленія природнаго, фиктивнаго жизненнаго плана-характера. Къ этимъ проявленіямъ относятся галлюцинаторныя представленія: дѣйствія, душевныя выраженія, симптомы—«языкъ органовъ» (die «Körpersprache» Адлера) и всѣ прочія видимости.

«И, я наперекоръ звѣздѣ, повернулъ въ обратную сторону».

Во первыхъ—почему «наперекоръ»? Потому что «долженъ» итти по ея направленію вызываетъ закономѣрный для невротика протестъ: для него понятія о «должномъ» существовать не можетъ, тк. кк. всякое навязанное законопризнаніе связано съ чувствомъ подчиненія, а это отвергается человѣкомъ, водрузившимъ себя въ центрѣ вселенной и, на подобіе Божества, опредѣлившимъ себя единственной и высшей законодательной инстанціей. Весь міръ раздѣленъ имъ на двѣ части, согласно формулѣ: «я—и все остальное». Отсюда типичный внутренній конфликтъ, борьба съ самимъ собой, своего рода зеркальная дуэль. Гаршинъ протестуетъ противъ того «должнаго», которое онъ самъ себѣ навязалъ и для себя-же узаконилъ.

Характерна далѣе безсознательная арранжировка такого рода борьбы. Она инсценируется для цѣлей «демонстраціи ad oculos» низложенія одной части раздвоеннаго «я», части разсудочной, сознательной, логической и побѣдоноснаго торжества другой части, влекущей вверхъ, къ власти надъ міромъ, къ необходимымъ принципамъ человѣкоотрицанія и человѣконенавистничества.

Словно оправдываясь предъ самимъ собой, предъ людьми, сознательно-этическими мотивами совѣсти, предъ всѣмъ, что связано съ понятіемъ морали, Гаршинъ пытается предстать въ наиболѣе выгодномъ освѣщеніи, показываетъ свои честныя намѣренія примкнуть къ соціальнымъ условностямъ разграниченія между добромъ и зломъ и, якобы-бы, «напе-

рекоръ», яко-бы ненавистной звѣздѣ, поворачиваетъ въ другую сторону.

Мы вѣримъ сознательной правдивости этого психическаго пріема, какъ вынуждены вѣрить словамъ и дѣйствіямъ актера, слившагося воедино съ избранной имъ самимъ ролью. Мы вѣримъ сознательной маскѣ ангела на безсознательной, принципіальной и, значитъ, истинной духовной физіономіи Люцифера, вѣримъ въ такой-же степени, въ какой вѣрилъ и самъ Гаршинъ видимой, показной части своего раздвоеннаго «я».

«И что-же? Она, какая-то роковая, властная, снова очутилась впереди меня, на моемъ пути». Но что-же, въ самомъ дѣлѣ?...

Усыпивъ угрызенія совѣсти попытками реабилитаціи, («она роковая властная», отъ которой нельзя уйти) преслѣдующей цѣль изобразить предъ собой и другими (видимый) образъ добраго генія, Гаршинъ все-же фактически не отрываетъ взора отъ демонической звѣзды своей «преступной» (антисоціальной—ибо асоціальной) натуры и, какъ это всегда бываетъ, детерминируетъ отрицательную сущность своего «я» путемъ проекціи на нѣчто внѣшнее, тождественное съ понятіями фатума, судьбы, власти... Вѣдь не онъ виноватъ, такъ какъ она—«звѣзда роковая и властная снова впереди» на его пути. Но, въ дѣйствительности, кто видитъ ее впереди? Кто установилъ ее впереди себя? Кому указываетъ она дальнѣйшій и единственно-закономѣрный путь? И, наконецъ, кто надѣлилъ ее свойствами рока власти и т. п.? Конечно—самъ Гаршинъ!

Вслѣдъ за этимъ—еще одна повторная попытка подчеркнуть предъ своей раздвоенной личностью и предъ міромъ несомнѣнную наличность этическихъ началъ: «съ упорствомъ, на яву мнѣ несвойственнымъ, я повернулъ влѣво и даже страшился взглянуть на небо».

Гаршинъ инсценируетъ сомнѣніе въ своихъ силахъ, создаетъ бредовую идею о невозможности фиктивныхъ реализацій, конструируетъ страхъ взглянуть на «небо» (запретный для его сознанія и исключительно желаемый, для всей душевной констелляціи, плодъ), симулируетъ отступленіе и погружается въ ложно-мазохистическое чувствованіе, поворачивая «влѣво» отъ утверждающей «правоты» истинныхъ влеченій своей личности.

Преднамѣренность такого пріема выявляется изъ по-

слѣдующихъ фрагментовъ сновидѣнія: «я опустилъ голову внизъ и все-же чувствовалъ ее надъ собой. Я остановился, присѣлъ отдохнуть—недвижно стояла и моя звѣзда».

Прилагая сознательныя, волевыя усилія къ тому, что-бы убѣжать отъ своего двойника, преслѣдующей его тѣни, Гаршинъ тутъ-же обнаруживаетъ неискренность такого рода отступленія, вытекающую изъ только что приведенныхъ моментовъ сновидѣнія; иначе говоря, со своимъ индивидуальнымъ содержимымъ, со своей «тѣнью», съ императивомъ своей личности онъ воистину разстаться не можетъ, т. е. не хочетъ. Какъ во всѣхъ случаяхъ невротическихъ констелляцій, паціентъ, жалуясь врачу на тѣ или иные симптомы, тягостные для него, обращаясь къ нему съ «искренней» просьбой излечить его, и, въ то-же время, повинуясь безсознательному велѣнію своего характера, продуцируетъ цѣлесообразные и нужные ему симптомы заболѣванія, точно также и Гаршинъ старается усыпить бдительное око общественнаго мнѣнія, выставляя на первый планъ и подчеркивая долженствующій быть видимымъ для всѣхъ протестъ противъ своей-же непосредственной—антисоціальной натуры. И на ряду со словами: «я остановился, присѣлъ отдохнуть», констатируетъ, что «недвижно стояла и моя звѣзда». Застывшее, недвижимое, окаменѣлое содержаніе непосредственнаго, настоящаго существа Гаршина!

«Мнѣ казалось, что я отдыхалъ долго». Разумѣется, всякое мгновеніе, посвященное отдыху, не можетъ не казаться вѣчностью рвущейся въ бой натурѣ. «Долго отдыхать»—должно быть связано съ опасеніемъ, что за это время кто-либо другой успѣетъ больше или, о ужасъ, опередитъ его.

«Я вскочилъ и бросился бѣжать въ противоположную сторону», т. е. въ ту самую, по которой пролегалъ (до поворота «влѣво») путь его «звѣзды». И, дѣйствительно: «бѣжала и звѣзда со мною».

Но куда влечетъ она Гаршина? Въ направленіе высшихъ идеаловъ? Кому стремится онъ ихъ навязать, привить, внушить? Гдѣ до священное мѣсто, откуда онъ, съ высоты своего фиктивнаго, маніакальнаго величія, получитъ возможность диктовать законы блага и любви? Какъ называются «неясныя очертанія» того нѣчто, куда влечетъ его пророческій импульсъ? Названіе его—«городъ», въ городѣ обитаютъ люди: «и, наконецъ, передо мной открылись неясныя очертанія города». «Неясныя», потому что съ неизмѣримой высоты ярко

сверкающей на небесномъ куполѣ личности—звѣзды, Гаршинъ можетъ видѣть реальное, земное, человѣческое (городъ) неясно, смутно, въ блѣдныхъ очертаніяхъ и уменьшенныхъ размѣрахъ, какъ оно и должно соотвѣтствовать законамъ пространственныхъ соотношеній.

Помимо того, эту «неясность» можно было-бы истолковать какъ своего рода (обычную для борцовъ съ «вѣтряными мельницами») психическую задержку, моментальный тормазъ въ формулировкѣ открытаго вопроса. «Что тамъ придется свершать»? Къ какому результату удастся привести намѣченныя начинанія? Будетъ-ли побѣда? Надъ кѣмъ: надъ галлюцинаторнымъ или дѣйствительнымъ врагомъ? Если будетъ побѣда, то что она принесетъ съ собою Какой тріумфъ выпадетъ на долю «сіяющей звѣзды» личнаго «я»? Вопросы, однако, предрѣшены, ибо звѣзда ослѣпляетъ и въ видѣ психическаго характернаго прожектора обезоруживаетъ сознательные элементы личности, приводя человѣка къ аффективному состоянію, граничащему съ невмѣняемостью.

«Я ускорилъ шаги,... но на пути моемъ выросъ густой лѣсъ изъ пальмъ всевозможныхъ видовъ».

«Я ускорилъ шаги»=скорѣе на поле битвы! «Я очень люблю пальмы, но тутъ онѣ сердили меня, потому что я не видѣлъ выхода изъ этого лѣса. А между тѣмъ шумъ (призыва? Б.) изъ города усиливается. Я слышалъ явственно крики и стоны и пламенно желалъ поскорѣе притти на помощь кому-то» (кому-бы то ни было! Б.).

Весьма типичный отдѣлъ сновидѣнія. Анализъ его нетруденъ и сводится, въ общемъ, къ слѣдующему: пальма, пальмовая вѣтвь—амбивалетный символъ: 1) пальма мира и 2) пальмовая вѣтвь—аттрибутъ побѣдителя. Густой лѣсъ пальмъ всевозможныхъ видовъ расшифровывается, какъ конечная (впрочемъ, вѣрнѣе—безконечная), идеалистическая цѣль личной жизни Гаршина. «Пальмы всевозможныхъ видовъ» означаютъ, конечно, фантастическое достиженіе первенства и превосходства надъ всѣмъ, что существуетъ: абстракція, ведущая къ принципу всесилія, Божественности. Съ ней должно быть связано обезцѣненіе всего реальнаго: постоянный импульсъ укорачиванія окружающаго—ради фиктивной цѣли собственнаго возвеличенія. Значитъ, это реальное, живущее на землѣ утилизируется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оно совпадаетъ съ тенденціозной идеей борца (въ перспективѣ)—побѣдителя объ украшеніи его

наибольшимъ количествомъ «пальмовыхъ вѣтвей». Временное перемиріе, снисхожденіе къ низшимъ обезцѣненнымъ элементамъ (городъ, люди) становится возможнымъ и даже желательнымъ лишь тогда, когда ничтожное, малоцѣнное, отрицаемое—взываетъ о помощи. (Фантазіи о спасеніи—«Rettungsphantasien)». Тогда, нагибаясь надъ этимъ послѣднимъ, становится возможной апперцепція согласно схемы: «вверху—внизу». А это вѣдь и составляетъ кристаллизаціонный моментъ различныхъ реактивныхъ манипуляцій духа.

Теперь - приходится сердиться на пальмы (вѣроятно, дѣлать видъ, что сердишься), такъ какъ «изъ за деревьевъ лѣса не видно». Лѣсъ—это единство натуры, ея всеобъемлющее существо; лѣсъ—это «звѣзда», компасъ, маякъ. Упустивъ его изъ виду можно заблудиться среди массы отдѣльныхъ деревьевъ—частичныхъ, случайныхъ и разбросанныхъ функцій характера. Чтобы не растеряться и сохранить единство конечной цѣли, нужна опредѣленная и всегда пребывающая въ душевномъ полѣ зрѣнія—главная руководящая линія. И, только благодаря фиксаціи на ней, допустимы дѣйствія, согласующіяся со множествомъ руководящихъ линій вторичнаго порядка.

И «сквозь густыя верхушки деревьевъ я съ трудомъ отыскалъ свою звѣзду».

Конечно, всякій человѣкъ для опредѣленія и начертанія своихъ дѣйствій долженъ создать аналогичную фиктивную звѣзду. Какъ было сказано, безъ конструкціи подобной фикціи стало-бы невозможнымъ никакое дѣйствіе. Психическая ладья нуждается въ цѣлесообразности и планомѣрности и лишь при этомъ условіи (наличности компаса-звѣзды) можетъ лавировать къ океанѣ непосредственнаго жизненнаго хаоса—при помощи руля. Нормальный человѣкъ—рулевой, намѣчая и создавая конкретную (хотя, по внутреннему существу фиктивно-абстрактную) жизненную цѣль, стремится къ ея достиженію при полномъ сохраненіи душевнаго равновѣсія, считаясь съ реальными трудностями, препятствіями, подводными камнями, острыми утесами и т. д. Сознательно и здраво оріентируясь въ своихъ путяхъ, онъ даетъ поводъ къ предположенію, что такъ или иначе, но намѣченная имъ конечная цѣль будетъ достигнута, ибо фикція—звѣзда немногимъ повышается надъ уровнемъ житейскаго моря. О невротическихъ натурахъ этого сказать нельзя: ихъ звѣзда водружена на наивысшей точкѣ небосклона, ихъ жизненный

планъ представляется въ видѣ крутой, вертикальной линіи, образующей съ плоскостью земли прямой уголъ. Ихъ натура—это летательный аппаратъ съ однимъ лишь принципіальнымъ рулемъ—рулемъ высоты. Они шествуютъ по землѣ съ головой упорно и гордо откинутой назадъ и съ устремленными въ высь глазами.

Мнѣ думается, что въ библейскомъ разсказѣ о трехъ короляхъ (волхвахъ-мудрецахъ), пришедшихъ къ младенцу Іисусу съ дарами и руководимыхъ во время своего пути направляющей звѣздой—лежитъ аналогичный психологическій смыслъ, побудившій королей и мудрецовъ (представителей наивысшихъ земныхъ достиженій) къ дальнѣйшимъ агрессивнымъ дѣйствіямъ, къ дальнѣйшему возвеличенію личности, къ идеалу божественнаго подобія. Съ точки зрѣнія психологической, эта видимая агрессивность, связанная съ приношеніемъ даровъ, соотвѣтствуетъ психоневротическимъ пріемамъ ложно-мазохистическаго свойства. Короли-представители различныхъ расъ и народностей—это символическій намекъ на присущее всему человѣчеству тяготѣніе къ наивысшему достиженію побѣды и превосходства личнаго «я» надъ всѣмъ міромъ. Быть можетъ, для этой именно цѣли и созданъ человѣкомъ фиктивный образъ Божества.

Но вернемся къ дальнѣйшему анализу сновидѣнія.

Въ фантастическомъ изживаніи перспективныхъ успѣховъ на землѣ, торжества и тріумфа въ «городѣ», Гаршинъ—«король» обращаетъ свои взоры кверху. Что для него, для его сверх- и внѣчеловѣческихъ душевныхъ компонентовъ цѣлый лѣсъ «пальмовыхъ вѣтвей», пальмовыхъ растеній, питаемыхъ земными соками, когда импульсъ первенства, Божественности обезцѣнилъ существующее и доминируетъ надъ всякими отдѣльными достиженіями реальной славы, удовлетворенности?...

И, даже «небо потемнѣло и сумеречныя тѣни уже двигались». Апогей бредовыхъ достиженій! Ибо—только его звѣзда горитъ ярко на небѣ. Все остальное потухаетъ во мракѣ... во мракѣ, обусловленномъ, очевидно, свѣтовымъ контрастомъ между его сверкающимъ и прочими небесными свѣтилами. Онъ первый и единственный на небѣ, онъ единое Божество, не раздѣляющее ни съ кѣмъ своей власти и могущества.

Еще одинъ шагъ и конструированная фикція превра-

щается въ полнѣ законченную галлюцинаторную дѣйствительность; еще одинъ шагъ въ направленіи этихъ характерныхъ путей и предъ нами открылась-бы типичная картина параноической конституціи. Всецѣло отрѣшившись отъ сущаго и до конца воспринявъ бредовой идеалъ всемогущаго величія, Гаршинъ обрѣлъ бы счастье и душевный покой—какъ конечный стадій въ развитіи параноическихъ тенденцій. Но въ томъ то и разница (количественная въ динамическомъ отношеніи) между созданіемъ невротическихъ механизмовъ и конституированными процессами параноическаго заболѣванія. Невротику не удается полное и безповоротное отрѣшеніе отъ реальности (конструктивные пріемы параноическаго чувствованія въ неврозахъ носятъ большей частью временный, періодическій характеръ, лишенный фиксаціи), выражаясь образно, невротикъ одной ногой прикрѣпленъ къ землѣ; пытаясь оторваться отъ послѣдней, чтобы, соотвѣтственно руководящей линіи своей натуры, подняться къ заоблачнымъ высотамъ, онъ совершаетъ неимовѣрныя психическія напряженія, сводящіяся къ тенденціозному видоизмѣненію реальности (различные симптоматическіе пріемы) и послѣ милліона такихъ, въ сущности, безплодныхъ попытокъ, подчеркивающихъ всякій разъ все сильнѣе «чувства малоцѣнности» и вытекающій изъ такового «мужской протестъ», онъ склоненъ продѣлать то же самое—въ милліонъ первый и т. д. разъ, опять таки для того, чтобы въ крайнемъ ощущеніи своего безсилія получить возможность для реакціи еще большаго озлобленія, протеста, упорства, бѣшенства. А это, въ свою очередь, дабы, оперируя на платформѣ такого аранжированнаго чувствованія, еще судорожнѣе ухватиться за руководящую характерную линію, долженствующую (субъективно) привести его къ обычному статическому состоянію обезцѣненія реальности и мужскаго протеста.

«Лѣсъ остался далеко у меня позади». Но «городъ былъ въ двухъ шагахъ отъ меня».

Какъ явствуетъ изъ этого положенія сновидѣнія, нѣтъ возможности сжечь за собой мосты, сбросить оковы соціальныхъ формъ, нѣтъ силъ привести свое «я» къ анархистскому идеалу полной независимости отъ директивовъ общественнаго устройства, этическихъ принциповъ, навязанной морали; немыслимо реализовать свое фиктивное превосходство надъ всѣмъ живущимъ.

Невозможно, немыслимо, нѣтъ силъ...? Нѣтъ, въ концѣ

концовъ, нежелательно въ виду конструктивной неувѣренности, страха и сомнѣнія. Нежелательно? Какъ-же, если это противорѣчитъ содержимому всего жизненнаго плана? Значитъ, желательно, необходимо, нужно... А страхъ, колебанія, неувѣренность?... Что дѣлать, какъ разрубить этотъ Гордіевъ узелъ? Очень просто: его нужно разрубить въ направленіи основного, желаемаго, характернаго; обезцѣнить жизнь до послѣдней степени, а это равносильно уходженію изъ нея.

Вотъ какой вполнѣ осмысленный и закономѣрный (для Гаршина) исходъ промелькнулъ въ его душѣ. Въ сновидѣніи совершается душевный балансъ, перспективно подводятся итоги, изъ которыхъ нельзя не усмотрѣть большого актива въ психической бухгалтеріи Гаршина. Конечно, активъ этотъ относителенъ и разсматривать его можно только съ точки зрѣнія Гаршиновской натуры.

«И, вдругъ, звѣзда моя погасла»

Нѣтъ, мы не повѣримъ этому; мы знаемъ, что въ теченіе дальнѣйшихъ пяти лѣтъ послѣ переданнаго Гаршинымъ сновидѣнія, «звѣзда» еще ярче свѣтила на небѣ, еще интенсивнѣе и яснѣе манила къ себѣ все напряженіе душевныхъ силъ поэта и, какъ ни странно можетъ показаться, въ послѣднія секунды паденія Гаршина въ пролетъ лѣстницы сверкала, какъ никогда еще, ослѣпительнымъ блескомъ призыва.

Бросаясь внизъ, Гаршинъ, въ сущности летѣлъ вверхъ, ей на встрѣчу, въ объятія, благославляя этотъ единственный, дѣйствительно счастливый моментъ своей короткой жизни, полной невыносимыхъ противорѣчій и постоянныхъ внутреннихъ конфликтовъ. Гордіевъ узелъ разрубленъ и это привело къ душевному покою, къ полной психической удовлетворительности.

Всѣ люди стремятся только къ счастью, къ удовлетворенію своей личности во всѣхъ отношеніяхъ. Властолюбіе, порабощеніе другихъ, стояніе надъ всѣмъ и всѣми, всюду и всегда—вотъ въ чемъ динамика души нормальныхъ людей и невротиковъ. Безудержно несутся они къ достиженію этихъ завѣтныхъ идеаловъ, либо по путямъ прямой, непосредственной агрессивности (въ приблизительной нормѣ), либо по обходнымъ, тяжелымъ, закулиснымъ путямъ (въ неврозѣ). И, понятно, чѣмъ рельефнѣе, пластичнѣе душевныя напряженія человѣка въ сторону эфемерной и абстрактно-фиктивной

«звѣзды счастья», тѣмъ мучительнѣе, сложнѣе дороги прохожденія и тѣмъ ярче апоѳеозъ, въ чемъ-бы онъ ни нашелъ свое выраженіе: въ геніальномъ творчествѣ, въ психоневрозѣ или въ самоубійствѣ.

По поводу «безсознательнаго» въ жизни индивидуума.

А. А. Іоффе.

Роль «безсознательнаго», въ жизни человѣка давно уже является одною изъ существеннѣйшихъ проблемъ, занимающихъ такъ называемую психоаналитическую школу. Какъ показываетъ большое число наблюденій разныхъ психоаналитическихъ авторовъ, это безсознательное имѣетъ весьма важное значеніе не только въ жизни ясно выраженныхъ «невротиковъ», но и въ жизни такъ называемыхъ здоровыхъ людей. Въ частности «роль отца» въ жизни человѣка служила предметомъ наблюденія и анализа Dr. Jung'a Цюрихѣ, а Dr. Adler'a въ Вѣнѣ, помимо всего прочаго, замѣчательно тонко вскрылъ сущность и значеніе гомосексуальнаго комплекса и вліяніе такъ называемой «идеи величія».

Предлагаемое ниже личное наблюденіе, въ которомъ,— какъ и всегда, впрочемъ,—гомосексуализмъ сплетается съ «идей величія», а «отцовскій комплексъ» красною нитью проходитъ черезъ всю жизнь субъекта,—быть можетъ, поэтому, не лишено будетъ нѣкотораго интереса для лицъ понимающихъ и признающихъ всю важность упомянутой проблемы.

Фельдшеръ Z.—33 лѣтъ, изъ состоятельной казачьей семьи. Краткая біографія его, поскольку она стала мнѣ извѣстной, такова. Окончивъ фельдшерскую школу, онъ поступилъ военнымъ фельдшеромъ и жилъ въ Польшѣ. Во время революціи былъ захваченъ общей волной и за «агитацію въ войскахъ» лишенъ правъ и сосланъ на поселеніе. Въ Сибири, въ ссылкѣ, принужденъ былъ жить въ глухихъ селахъ и велъ довольно легкомысленный образъ жизни. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ получилъ мѣсто завѣдующаго сельскимъ фельдшерскимъ пунктомъ, женился на отбывшей срокъ административно-ссыльной и «остепенился».

По общему мнѣнію лицъ, знавшихъ его, Z.—человѣкъ «со странностями». Нервно-больнымъ Z. себя никогда не считалъ и ни на что не жаловался, поэтому симптомовъ субъективно-патологическаго свойства у него не было. Такъ что въ житейскомъ, обыденномъ смыслѣ—это былъ человѣкъ здоровый, но «странный». Въ отношеніяхъ своихъ съ людьми онъ обычно большинство своихъ новыхъ знакомыхъ сначала возводилъ на пьедесталъ, а потомъ самъ-же низвергалъ съ этого пьедестала. И роднымъ своимъ, и знакомымъ онъ часто устраивалъ «сцены» самаго невѣроятно-ребяческаго свойства, часто доводилъ себя до истерическихъ припадковъ и постоянно «грозилъ» покончить съ собою. Неоднократно

отравлялся морфіемъ. По собственнымъ словамъ его, Z. въ дѣтствѣ при ссорахъ съ родителями «хотѣлъ умѣреть на зло отцу». Первую серьезную попытку самоубійства онъ совершилъ во время уже упомянутаго ареста по подозрѣнію въ агитаціи въ войскахъ, когда ему, дѣйствительно, пришлось находиться въ очень тяжелыхъ условіяхъ. Тогда онъ принялъ довольно большую дозу морфія (который у него былъ заготовленъ «на всякій случай»), но немедленно-же ему пришло на умъ, что «могутъ подумать, будто онъ испугался», и онъ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы спастись, что ему и удалось. Въ ссылкѣ, послѣ своего брака, Z. постоянно «грозилъ» покончить съ собою и неоднократно травился; при чемъ послѣ морфія обыкновенно либо принималъ противоядіе, либо самый ядъ принималъ такъ, чтобы онъ не оказалъ надлежащаго дѣйствія. «Но вѣдь я и не хотѣлъ умереть», заявлялъ онъ обычно послѣ этого. Этою угрозою самоубійства онъ стремился держать въ рукахъ свою жену, которую ревновалъ до крайности, безъ всякаго, впрочемъ, повода съ ея стороны. Вѣчными устраиваемыми имъ «сценами» жена его въ концѣ концовъ доведена была до того, что неоднократно заявляла Z. о своемъ намѣреніи уѣхать отъ него; и это, конечно, только подливало масло въ огонь, ибо самъ Z., какъ указано,—ссыльно-поселенецъ и поэтому уѣхать не могъ. Характернымъ для его отношеній съ женою является то обстоятельство, что, по словамъ близко знавшихъ его людей, Z. вовсе никогда не проявлялъ какой-либо особенно сильной любви къ женѣ: сошелся съ нею еще до брака и женился только потому, что «иначе нельзя было». За время трехлѣтняго супружества Z. самъ предлагалъ женѣ разойтись съ нимъ и давалъ ей возможность уѣхать, но тогда жена ревновала *его* и *это* было причиною расхожденія, а не наоборотъ, какъ въ послѣднемъ періодѣ.

Какъ уже было указано выше, попопытки самоубійства Z. постоянно кончались ничѣмъ. Поэтому и жена его, и знакомые перестали ему вѣрить, не принимали во вниманіе его «угрозъ» и нерѣдко потѣшались надъ этой его манерой. Однажды знакомые Z., подшучивая надъ нимъ, дразнили его указаніемъ, что онъ навѣрное, вмѣсто морфія, принимаетъ сахаръ. «А если-бы я умеръ. тогда повѣрили-бы?» спросилъ Н. «Конечно. Тогда пришлось бы вѣрить!»—въ шутку отвѣтили ему. На другой же день, послѣ незначительной ссоры съ женою, Z. опять принялъ яду и...скончался. Хотѣлъ-ли онъ умереть на этотъ разъ, просто-ли ошибся и принялъ слишкомъ большую дозу или же, желая, чтобы ядъ оказалъ свое дѣйствіе и чтобы, слѣдовательно, видѣли, что намѣреніе его было серьезно, онъ поэтому слишкомъ поздно взялъ противоядіе?—На эти вопросы теперь съ увѣренностью никто не можетъ отвѣтить...

Въ обыденной жизни рѣзко бросалась въ глаза невѣроятная, доведенная до крайности *обидчивость* Z. и такое же крайне *самомнѣніе* его. Самомнѣніе это проявлялось не только объективно, но большею частью самъ Z. открыто заявлялъ, что онъ то дѣлаетъ лучше другихъ, это знаетъ лучше и т. п. Z. совершенно не въ состояніи былъ перенести, если кто-либо въ чемъ-нибудь одерживалъ надъ нимъ верхъ. Страстный игрокъ въ шахматы, онъ игралъ скверно, но воображалъ, что играетъ прекрасно; во время игры онъ горячился, пользовался всякой оплошностью противника, забиралъ подставленныя фигуры, ходовъ обратно не давалъ, самъ же при всякомъ оплошномъ ходѣ непремѣнно

требовалъ его обратно. Вообще, игралъ только для того, чтобы выиграть и проигрыша совершенно не переносилъ: послѣ полученнаго мата нѣсколько дней ходилъ самъ не свой.—Мысль, что онъ можетъ въ чемъ-либо ошибаться, можетъ чего-либо не знать—была абсолютно чуждой ему. Какъ фельдшеръ онъ былъ весьма рѣшителенъ, никогда не сомнѣвался въ правильности своихъ діагнозовъ и примѣнялъ всегда самыя рискованныя средства. Z. воображалъ, что всѣ его паціенты въ восторгѣ отъ него, что совершенно не соотвѣтствовало дѣйствительности. Если даже объективные факты доказывали его неправоту, то онъ, либо переиначивалъ въ своемъ сознаніи самые эти факты и запоминалъ ихъ въ этомъ субъективно-искаженномъ видѣ, либо, если это въ опредѣленной ситуаціи оказывалось невозможнымъ, онъ просто забывалъ самые эти факты. Но нерѣдко Z., наоборотъ, начиналъ всячески унижать себя и превозносить какое-либо другое лицо (это бывало обыкновенно въ началѣ знакомства, когда, какъ указано, данное лицо возводилось имъ на пьедесталъ). Тогда онъ обычно начиналъ разсказывать что-либо, что по его словамъ должно было доказывать, насколько онъ плохъ и насколько выше его стоитъ данное лицо (или же только, что онъ нехорошъ), но, согласно содержанію имъ разсказываемаго, постоянно доказывалось какъ разъ обратное, т. е. тотъ фактъ, который онъ разсказывалъ для того, чтобы доказать, что онъ поступилъ скверно, какъ разъ оказывался однимъ изъ его очень хорошихъ поступковъ.

Что касается обидчивости Z., то она ярко проявляется въ обыденной жизни, даже для человѣка не анализирующаго. Z. «обижался» постоянно, при каждомъ подходящемъ, и даже совсѣмъ не подходящемъ, случаѣ. Именно, обижаясь, онъ «дѣлалъ сцены»: ссорился, бранился, чувствовалъ себя оскорбленнымъ, затѣмъ, наоборотъ, унижался и «устраивалъ истерики». Можно даже сказать, что всю свою жизнь Z. воспринималъ, какъ одну сплошную обиду: то, что онъ—фельдшеръ, а не врачъ—обида и поэтому каждый появляющійся въ его жизни врачъ былъ для него личнымъ врагомъ и объектомъ проявленія его «странностей»; то, что онъ ссыльно-поселенецъ, лишенный правъ,—обида; то, что жена его заявляетъ о своемъ желаніи уѣхать—обида и т. д., и т. д.

Психоанализа въ точномъ смыслѣ понятія провести не удалось, ибо Z. больнымъ себя не считалъ и лѣчиться не хотѣлъ. Но Z. былъ очень откровененъ и весьма любилъ много и подробно разсказывать о себѣ. Пока онъ еще не понималъ, какъ эти разсказы будутъ восприняты психоаналитикомъ, онъ былъ вполнѣ откровененъ и однажды, согласившись на правду психоаналитика, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ подъ рядъ говорилъ всѣ свои мысли, приходящія ему въ голову (конечно не безъ сознательнаго сопротивленія, но безъ сознательной критики), т. е. провелъ одинъ психоаналитическій сеансъ. Послѣ того, какъ кое-какіе выводы были ему сообщены—въ виду его настоятельныхъ требованій,—онъ сталъ осторожнѣе и въ дальнѣйшемъ разсказывалъ только то, что могло служить для его возвеличенія.

Изъ громаднаго количества разсказанныхъ Z. фактовъ и событій удается создать слѣдующую картину психическаго развитія его.

1. Въ дѣтствѣ Z. имѣется большое количество гомосе-

ксуальныхъ влеченій, попытокъ и даже актовъ. (Включительно до сосанья penis'a у товарищей—ребятишекъ, что Z. отлично помнитъ, и взаимнаго мастурбированія, чего онъ также не отрицалъ). Гомосексуализмъ Z., въ скрытой, конечно, сублимированной формѣ, проявлялся и въ послѣднемъ періодѣ: напримѣръ, Z. очень любилъ ставить своимъ паціентамъ клизмы (и эта его «симпатія къ клизмамъ» была замѣчена многими изъ сталкивавшихся съ нимъ на его фельдшерской практикѣ). Гомосексуальное влеченіе въ рѣзко выраженной формѣ, направленное въ отношеніе къ производящему анализъ лицу,— рѣшительно проявилось и во время упомянутаго единственнаго психоаналитическаго сеанса; причемъ, когда этотъ выводъ,— въ виду его требованія—былъ ему, наконецъ, психоаналитикомъ сообщенъ,—онъ согласился съ существованіемъ въ немъ («въ настоящій моментъ»—настаивалъ онъ) такого влеченія, но въ дальнѣйшихъ своихъ отношеніяхъ какъ бы совершенно позабылъ объ этомъ.

2. Отецъ Z., по его словамъ былъ д е с п о т ъ и совершенно поработилъ какъ самого Z., такъ и мать послѣдняго. Все дѣтство Z. прошло въ борьбѣ съ отцомъ. Неоднократно Z., будучи ребенкомъ, хотѣлъ умереть, чтобы «отомстить отцу». Однажды, еще почти въ младенческомъ возрастѣ, онъ рѣшилъ убить отца и стрѣлялъ въ него изъ ружья, но промахнулся.

3. Въ дѣтствѣ Z. постоянно былъ на сторонѣ матери; страстно любилъ (по его словамъ) послѣднюю и рѣшительно «ненавидѣлъ» (!) отца. Въ ссылкѣ онъ прервалъ вообще всякія сношенія съ родителями, которые оба живы.

Изъ всего вышеизложеннаго можно, конечно, кратко и только с х е м а т и ч е с к и, сдѣлать слѣдующее построеніе. Благодаря особымъ эмбріонально-біологическимъ условіямъ (см. Dr. A. Adler. «Minderwertigkeit der Organe») Z.—ребенокъ росъ съ болѣе сильной и ярко выраженной гомосексуальностью. Поэтому въ инфантинной влюбленности вся сила его влеченія была направлена не въ сторону матери, а въ сторону отца. (Какъ протестъ и «сопротивленіе»,—онъ «ненавидитъ» отца). Въ дѣтствѣ онъ былъ «влюбленъ» въ своего отца, ревновалъ его къ матери и въ своей безсознательной фантазіи ставилъ себя въ положеніе послѣдней. Эта фикція накладываетъ отпечатокъ на всю его психику и, такъ какъ она не осознана, то онъ безсознательно всю свою послѣдующую жизнь чувствуетъ себя въ этой роли, т. е. въ роли ж е н ы своего отца. Отсюда: «сцены», истерики, самоотравленія, ревность и

т. п. (т. е. онъ ведетъ себя такъ, какъ вела или, по его мнѣнію должна была себя вести его мать)! Его самомнѣніе («идея величія») происходитъ отъ тѣхъ же причинъ: гомосексуализма и (какъ слѣдствія перваго) инфантильной влюбленности въ отца. Въ дѣтствѣ онъ постояно становился на сторону матери противъ отца (вѣдь въ своей фикціи онъ тоже является женою своего отца); мать онъ любилъ, а отца «ненавидѣлъ», постоянно думалъ, что мать все знаетъ, все дѣлаетъ, все м о ж е т ъ сдѣлать лучше отца, что сама она лучше, стоитъ выше отца. Такъ какъ онъ «играетъ роль» своей матери, то, значитъ, теперь о н ъ все знаетъ, все дѣлаетъ, все можетъ сдѣлать лучше другихъ, теперь о н ъ лучше всѣхъ, выше всѣхъ. — Таково же происхожденіе его обидчивости: отецъ былъ «деспотъ»; мать постоянно была имъ «обижена»,— онъ въ роли своей матери, и теперь о н ъ обиженъ на все и всѣхъ.

Такова трагическая судьба одного изъ многихъ «здоровыхъ» людей нашего времени, это—жизнь-загадка!—Но если есть какой-либо ключъ къ разрѣшенію этой тайны, то онъ можетъ лежать только въ томъ, чтобы «тайное» сдѣлать «явнымъ», «безсознательное»—«осознаннымъ»; онъ можетъ лежать только въ пониманіи и вскрытіи сущности и значенія того «безсознательнаго», той фикціи, которая накладываетъ свою роковую печать на всю психику человѣка и по своему коверкаетъ всю его жизнь. Кое-что въ этой области уже сдѣлано. Когда-нибудь эта задача будетъ разрѣшена вполнѣ,— и многіе, многіе будутъ тогда избавлены отъ повторенія подобной трагической судьбы...

О б з о р ы.

О б з о р ъ ж у р н а л о в ъ.

Zentralblatt f. Psychoanalyse. III. Jahrg H. 4/5 u. H. 6/7.

Alfr. Adler. Роль безсознательнаго въ неврозѣ,— уже напечатано полностью въ № 1 нашего журнала.

Статья W. Stekel'я—Исходы психоаналитическаго леченія имѣетъ широкій общій интересъ и содержитъ много цѣнныхъ практическихъ указаній, и потому въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала мы дадимъ ее въ полномъ переводѣ.

М. Вульфъ. О психогенномъ происхожденіи бронхіальной астмы. Вопросъ объ этіологіи бронхіальной астмы до сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ, и потому случаи, могущіе пролить свѣтъ въ этомъ отношеніи представляютъ большой интересъ. Случай автора относится къ 37-лѣтней женщинѣ, матери 6 дѣтей, страдающей уже 8 лѣтъ астмой; діагнозъ страданія точно установленъ многими врачами, пользовавшими больную. Вначалѣ припадки бывали рѣдко, послѣдніе три года очень часто. Кромѣ того, она часто страдаетъ «нервнымъ» насморкомъ и кашлемъ и при ѣдѣ иногда не можетъ проглотить кусокъ, онъ останавливается у нея въ горлѣ; у нея бываютъ сильныя головныя боли, очень раздражительна и гнѣвлива, настроеніе неустойчиво.—Сперва паціентка не могла ничего разсказать ни о началѣ, ни о причинахъ страданія, но ухудшеніе послѣднихъ трехъ лѣтъ она ясно связывала съ душевными переживаніями, о которыхъ сохранила полное воспоминаніе. Во время послѣднихъ родовъ она была инфицирована, продѣлывала тяжелое заболѣваніе съ высокой температурой. Въ домѣ въ качествѣ сестры милосердія находилась одна родственница. Однажды, когда паціентка лежала прикованная къ постели, изъ сосѣдней комнаты до нея донеслись звуки coitus'a, который совершалъ съ названной особой ея мужъ. Паціентка была такъ слаба, что не могла подать никакого знака, что она слышетъ происходящее. Въ этотъ моментъ она получила чрезвычайно тяжелый припадокъ астмы.

Изъ ея предшествующей жизни можно сообщить слѣдующее. Въ 15 лѣтъ она влюбилась въ одного молодого человѣка, но родители были противъ этого брака. Молодые люди, однако, тайно поддерживали отношенія въ теченіе 5 лѣтъ, однажды дѣло дошло до coitus'a; отношенія вскорѣ послѣ этого были прерваны. Паціентка забеременѣла и родила ребенка. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того она вышла замужъ «по разсудку». Мужъ, который зналъ о ея прошедшемъ, былъ грубъ, рѣзокъ и часто оскорблялъ ее. Паціентка едва переносила его. Вскорѣ послѣ свадьбы они переѣхали въ маленькій городокъ, гдѣ приходилось жить въ одиночествѣ и въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ. Мужъ часто возвращался домой выпивши, бывалъ тогда въ половомъ отношеніи возбужденъ и особенно для нея непереносимъ. Онъ принуждалъ ее къ coitus'y, она сопротивлялась, но, покоряясь силѣ, отдавалась противъ своей воли. Она ясно помнитъ, какъ ее удушалъ запахъ алкоголя изъ рта ея мужа, она буквально не могла вздохнуть и тогда во время coitus'a она получила первый припадокъ астмы. Подобныя сцены повторялись неоднократно. И теперь coitus, протекающій для нея безъ всякаго удовлетворенія, часто бываетъ непріятенъ и тягостенъ, и часто оканчивается приступомъ астмы.— Было бы очень соблазнительно свалить вину въ происхожденіи астмы на coitus, однако дѣло здѣсь много сложнѣе. Года

два спустя паціентка познакомилась съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго полюбила; но ихъ отношенія оставались чисто дружественными, хотя такой отказъ давался ей не легко. Она вспоминаетъ также, что въ тотъ моментъ, когда до ея слуха дошелъ шумъ coitus'a, то у нея въ головѣ блеснула мысль: «Ради тебя я отказалась отъ моей любви, а ты пользуешься моей болѣзнью, чтобы обмануть меня!». Молодой человѣкъ вскорѣ снялъ у нихъ комнату, отношенія сдѣлались интимнѣе, но оставались только дружественными. Отношенія ея къ мужу стали болѣе враждебными, что однако она старалась скрывать. Вмѣстѣ съ тѣмъ ея состояніе ухудшилось. Тяжелый конфликтъ между долгомъ и любовью непрерывно развивался въ ея душѣ и находилъ себѣ компромиссный исходъ въ приступахъ астмы. Это и могло быть истинной причиной ухудшенія ея страданія въ послѣдніе годы. Отдѣльные припадки были весьма характерны. Такъ однажды паціентка была на представленіи оперы «Евгеній Онѣгинъ». Во время послѣдней сцены, когда Татьяна отказывается отъ любви Онѣгина, паціентка получила тяжелый приступъ астмы. Другой разъ приступъ былъ во время 4-го акта «Норы». Паціентка объяснила эти приступы тѣмъ, что въ театрѣ «мало воздуха». Подобными-же причинами вызывались и другіе приступы астмы.—Паціентка посѣщала врача не аккуратно и потому строго послѣдовательнаго психоанализа провести не удавалось.—Въ теченіе слѣдующаго лѣта паціентка жила вдали отъ города и молодого человѣка, и безъ всякаго леченія чувствовала себя хорошо. Осенью, съ переѣздомъ домой, она внезапно получила сильный и длительный припадокъ астмы и ея состояніе ухудшилось. Весной, подъ вліяніемъ леченія, она рѣшила взять маленькую квартиру съ тѣмъ, что бы не сдавать уже болѣе комнату. Но лѣтомъ ея сопротивленіе усилилось, принятое рѣшеніе было отмѣнено, и молодой человѣкъ остался въ домѣ. По возвращеніи ея съ лѣтнихъ каникулъ, молодого человѣка посѣтила юная супружеская пара, въ извѣстной мѣрѣ олицетворявшая для больной супружескій идеалъ: «Это такъ, какъ я хотѣла бы». Въ слѣдующую же ночь у нея было тяжелое сновидѣніе (которое она также забыла) и она пробудилась отъ тяжелаго приступа астмы.—Леченіе она прервала на томъ основаніи что—«я хочу разлучить ее съ молодымъ человѣкомъ, отнять у нея лучшее, что она имѣетъ въ жизни». И молодой человѣкъ укрѣплялъ ее въ этомъ сопротивленіи. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя она вновь посѣтила автора и сообщила, что ея состояніе все ухудшается, припадки стали чаще и тяжелѣе, несмотря на непрерывное леченіе разными способами. Теперь ее посылаютъ на курортъ.—Разсматривая этіологію страданія, авторъ прежде всего касается вопроса объ «органическомъ предрасположеніи». Въ его случаѣ, какъ и въ случаѣ Sadger'a [1]), также былъ функціональный насморкъ, который

[1]) Sadger. Ist das Asthma eine Sexualneurose? Zentralbl. für Psychoanalyse, 1 Jahrg. H. 5/6. (Рефер. см. «Психотерапія», 1912. Стр. 52. H. B).

нерѣдко продолжался всего съ полчаса, затѣмъ повышенная чувствительность кожи къ щекотанію на передней поверхности шеи, парестезіи на этомъ мѣстѣ во время припадка. Нервный кашель обнаруживался у паціентки всегда во время беременности и кормленія грудью, точно такъ же, какъ у ея матери. Когда впервые у нея появился нервный кашель, въ точности она сказать не можетъ, но думаетъ, что послѣ смерти ея перваго (внѣбрачнаго) ребенка. Но связь между тѣмъ и другимъ, во всякомъ случаѣ, можно предполагать. Паціентка выставляла на показъ преувеличенную, страстную любовь къ дѣтямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ состояніи возбужденія, или раздраженія не могла ихъ «переносить». Нерѣдко она говорила, что изъ-за дѣтей она «не смѣетъ думать о томъ, чтобы развестись съ мужемъ», дѣтямъ она хочетъ принести въ жертву всю свою жизнь и счастіе. Изъ многихъ анализовъ хорошо извѣстно, что такія жертвы не приносятся съ легкимъ сердцемъ и родятъ въ душѣ много злыхъ желаній и мыслей. Все это подтверждаетъ допущеніе, что «нервный кашель» имѣетъ источникомъ психическія причины, именно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ «перемѣщеніемъ снизу (матка) наверхъ (къ легкимъ)» и кашель, это—защитное движеніе, направленное къ тому, чтобы вытолкнуть плодъ. Смутное воспоминаніе о появленіи кашля послѣ смерти перваго (внѣбрачнаго) ребенка есть, повидимому, неясное сознательное познаніе этого безсознательнаго желанія смерти. Сходство этого случая съ наблюденіемъ Sadger'a состоитъ еще въ большой возбудимости глоточнаго рефлекса, выражавшейся въ тошнотѣ при глотаніи. Временами тошнота появлялась одновременно съ припадками астмы вскорѣ послѣ свадьбы. Подобной же тошнотой страдала бабушка (со стороны отца) паціентки. И въ этомъ симптомѣ играетъ роль психическій конфликтъ, такъ какъ этою невозможностью проглатыванія она великолѣпно символизировала свои какъ чисто сексуальныя, такъ и душевныя и матеріальныя отношенія къ мужу: она не хочетъ быть ему женой, ѣсть его хлѣбъ и терпѣть его любовь (опять «перенесеніе снизу наверхъ»). Такимъ образомъ, «органическое предрасположеніе» унаслѣдовано какъ черезъ отца (бабушка), такъ и черезъ мать, но авторъ все-таки не считаетъ возможнымъ раздѣлять взглядъ Sadger'a на астму, какъ на «сексуальноневротическую болѣзнь» и на психическое—только, какъ на надстройку надъ біологическими фактами. Авторъ полагаетъ, что психическій конфликтъ все-же играетъ болѣе значительную роль въ этіологіи астмы, чѣмъ та, которую отводитъ ему Sadger, можетъ быть, даже главную роль.

Bloch. Свободныя ассоціаціи у дѣтей. При изслѣдованіи одинадцатилѣтняго мальчика на свободное ассоціированіе получился слѣдующій рядъ.... лѣсъ, деревья, луга, трава, кусты, земля, почва, писсуаръ, мокрота, влажность, вѣтеръ, и т. д. При разспросѣ, откуда возникъ рядъ под-

черкнутыхъ словъ, мальчикъ, конфузясь, отвѣтилъ: однажды на лугу ему захотѣлось за надобностью, что онъ тутъ же вздумалъ и исполнить. Подошедшій отецъ сильно побилъ его и сказалъ, что здѣсь вовсе не писсуаръ.

Маленькая дѣвочка ассоціировала такъ: гора, долина, желѣзная дорога, подъемъ, вагоновожатый, закругленіе, роща, ручей, рѣка, и т. д. Дѣвочка два года назадъ была въ горахъ.

E. Marcus. О различныхъ формахъ достиженія наслажденія отъ собственнаго тѣла. Существуетъ два вида такого наслажденія. Дитя аутоэротично; черезъ раздраженіе различныхъ частей своего тѣла ребенокъ получаетъ наслажденіе, въ первые стадіи, по крайней мѣрѣ, не сопровождаемое фантазіями. Въ періодъ полового созрѣванія человѣкъ, не имѣющій смѣлости или случая перемѣстить свои желанія въ дѣйствительность, или невротикъ, для котораго закрытъ путь реальности, такъ какъ адекватное его установкѣ сексуальное удовлетвореніе невозможно по внутреннимъ или внѣшнимъ основаніямъ, предаются онанизму. Послѣдній не аутоэротиченъ, не безпредметенъ, но всегда и безъ исключенія въ преобладающемъ числѣ случаевъ сопровождается сознательными аллоэротическими фантазіями, даже прямо-таки ими обусловливается. Форма достиженія наслажденія большею частью онанизмъ, т. е. мастурбація на половыхъ органахъ до наступленія оргазма.—Однако, все тѣло въ его цѣломъ можетъ служить источникомъ наслажденія. Прежде всего, хорошо извѣстная «сладкая истома», съ ея потягиваніями, зажмуриваніями глазъ, напряженными сгибаніями и разгибаніями конечностей, съ разслабленіемъ и напряженіемъ мышцъ, доставляетъ чувство наслажденія, и оно чисто аутоэротическаго характера; допустимо, что оно иногда можетъ сопровождаться фантазіями. Какъ эрогенная зона можетъ быть использованъ любой большой участокъ кожи съ подлежащимъ жиромъ. Нѣкоторые люди сжимаютъ, мнутъ такія мѣста; сдавливаютъ родимыя пятна и т. п. Особенно часто, конечно, этому подвергается область половыхъ органовъ, далѣе часто подмышекъ, средняя линія спины и прежде всего концы конечностей. Сопутствуется чувствомъ наслажденія сжиманіе рукъ, пальцевъ другъ съ другомъ, хрустѣніе пальцами. То же относится къ ногамъ; здѣсь особенно чувствительнымъ оказывается первый межпальцевый промежутокъ.—Къ важнѣйшимъ эрогеннымъ зонамъ на конечностяхъ принадлежатъ концы пальцевъ вообще и большого пальца ноги, ноготь и части кожи подъ нимъ. Кожа около ногтя отодвигается, уплотненная кожа на концахъ пальцевъ обрѣзается или обкусывается и т. п., все это дѣлается до боли, ноготь обкусывается, и это сопровождается наслажденіемъ въ высокой степени.—Эрогенными свойствами обладаетъ также внутренній уголъ глаза.—То-же достигается выдергиваніемъ волосъ, проведеніемъ по нимъ рукой или языкомъ. Извѣстна «мастурбація въ наружномъ ушномъ проходѣ»,—она производится введеніемъ

мизинца, карандаша, прижиманіемъ ушной мочки. Слизистыя оболочки рта, десенъ, губъ и т. д., и задняго прохода часто являются объектами раздраженія для полученія наслажденія. Послѣднее получается также при распробованіи слюны и носового секрета, при разжевываніи ногтей, особенно ножныхъ, нѣсколько пахнущихъ потомъ; при воспріятіи запаха собственныхъ газовъ, экскрементовъ, мочи, пота. Въ достиженіи наслажденія привлекаются къ участію и органы высшихъ чувствъ; наслажденіе получается при звукѣ выхожденія газовъ, паденія faeces, мочеиспусканія. Влеченіе къ смотрѣнію на себя и его кореллатъ—эксгибиціонизмъ служатъ тѣмъ же цѣлямъ. Нѣкоторымъ доставляетъ удовольствіе видѣть себя въ зеркалѣ обнаженными, особенно cum phallo in statu erectionis; также встрѣчается онанированіе передъ зеркаломъ, и т. д —почти для всѣхъ этихъ актовъ будетъ общимъ то, что они могутъ и не вести къ оргазму, они носятъ характеръ предвкушенія наслажденія. Ничтожное раздраженіе пробуждаетъ желаніе все болѣе и болѣе, пока чувство наслажденія не перейдетъ въ боль, которая вначалѣ также окрашена чувствомъ наслажденія, пока наконецъ чувство неудовольствія не перевѣситъ и весь актъ окончится дисгармоніей. Дальнѣйшихъ вредныхъ послѣдствій этого тщетнаго возбужденія (frustrane Erregung) авторъ отмѣтить не могъ.

W. Stekel. Сходства. Авторъ получилъ отъ одного очень интеллигентнаго паціента слѣдующее письмо: Обращали ли вы вниманіе, что въ одни дни мы находимъ сходства, а въ другіе нѣтъ? Извѣстно, конечно, что невротики, а также и нормальные люди очень охотно конструируютъ сходства въ процессѣ идентификаціи. Влюбленный находитъ, что его возлюбленная по походкѣ, рѣчи напоминаетъ его мать, и если нѣтъ физическаго сходства, находитъ ту же душу, тѣ же особенности и недостатки. Но то явленіе, о которомъ я хочу говорить сейчасъ, совсѣмъ другое.

Однажды передъ обѣдомъ я увидалъ одного человѣка, который до смѣшенія былъ похожъ на моего друга, художника X. Я подошелъ къ нему и сказалъ: Servus X.—все время еще находясь въ заблужденіи. Чужое лицо, но съ такою же формой бороды неудомѣло смотрѣло на меня... Извинившись, я продолжалъ путь. Черезъ нѣсколько мгновеній я опять увидѣлъ моего друга X., на этотъ разъ нѣсколько туманнѣе и не съ прежней точностью. Тутъ я могъ коррегировать иллюзію — Тогда во мнѣ пробудился психологическій интересъ и я вспомнилъ, что моя жена утромъ сказала мнѣ, что намѣрена передъ обѣдомъ посѣтить художника X. Я равнодушно принялъ это сообщеніе и поручилъ передать X. мои привѣтствія.

Въ безсознательномъ возникло нѣкоторое недовольство, сознанію совершенно чуждое. Моя жена идетъ къ художнику, который къ ней питаетъ склонность и ухаживаетъ. Художники народъ легкомысленный. Кто знаетъ, обнаружитъ ли твоя жена достаточную силу сопротивленія?—Эти тайныя опасенія при-

вели къ симптомному дѣйствію. Я обратился къ постороннему господину, какъ къ художнику Х. Исполненіе желанія—такъ какъ, если Х. на улицѣ, то онъ не можетъ быть въ своей мастерской. Я хотѣлъ бы, чтобы онъ не былъ дома. Моя жена придетъ въ его мастерскую и тамъ узнаетъ: г. Х. нѣтъ дома... Это желаніе проявило себя трижды—я три раза увидалъ г. Х. на улицѣ... Потому что я все время думалъ о немъ и о своей женѣ... Иллюзію поддерживало еще другое обстоятельство. Наканунѣ въ разговорѣ я слышалъ такое мнѣніе: всѣ женщины доступны и собственно не существуетъ честныхъ женщинъ. Я горячо спорилъ противъ этого и пытался доказать всю нелѣпость такого взгляда... И сегодня я поймалъ себя на такихъ мысляхъ... Не даромъ же мнѣ вспомнился стихъ изъ Фауста: «она перебывала въ рукахъ у всего города».. Къ чести моей жены я долженъ сказать, что она дѣйствительно образцовая жена и никогда не давала повода къ подозрѣніямъ....

Одна моя знакомая дама постоянно узнавала своего покойнаго мужа въ прохожихъ на улицѣ. Это сходство давало ей о себѣ знать каждый разъ, какъ у нея появлялись фривольныя мысли. Онъ какъ бы предупреждалъ ее: Прошло только три года, какъ я умеръ, а ты дѣлаешься такой легкомысленной, берегись! Въ небѣ я слѣжу за тобой и за каждымъ твоимъ шагомъ!... (Письмо приведено мною въ главныхъ выдержкахъ. Н. В.).

S. Peine. Къ психологіи приходящихъ въ голову цыфръ. Незамужней 19-лѣтней дамѣ предложили сказать какое либо число. Она отвѣтила: 1925. Анализъ показалъ, что это число должно быть разложено: 19 и 25. Первое—ея возрастъ, второе—лѣта ея возлюбленнаго. Такова детерминація этого числа.

Статья P. Schrecker'a—Кантъ объ отношеніи половъ уже напечатана у насъ въ полномъ переводѣ (№ 2 нашего журнала), а статья I. А. Бирштейна—Къ вопросу о невропсихологіи, появится въ одной изъ ближайшихъ книжекъ. Работа М. Ю. Лахтина.—О бѣсоодержимости въ русской деревнѣ—раньше еще появилась въ «Вопросахъ философіи и психологіи».

Н. Вырубовъ.

Rivista italiana di neuropatologia, psichiatria ed elettroterapia. Vol. VI. Fasc. 4. 1913.

L. Gatti. Явленіе самоподражанія въ сочетаніяхъ истеріи съ органическими заболѣваніями. Авторъ обращаетъ вниманіе на то, что при органическихъ пораженіяхъ нервной системы; объемъ функціональныхъ разстройствъ часто бываетъ значительно больше того, что могло-бы быть вызвано данными анатомическими измѣненіями. Въ этихъ случаяхъ идетъ дѣло объ истерическихъ наслоеніяхъ. При этомъ истерія въ формахъ своего выраженія подражаетъ уже

имѣющемуся органическому пораженію. Въ этомъ и состоитъ аутоимитація. При этомъ можетъ быть такъ, что послѣдствія органическаго страданія исчезнутъ, а функціональныя разстройства истерической натуры все еще персистируютъ. Свое изложеніе Gatti иллюстрируетъ описаніемъ случаевъ.

Н. Вырубовъ.

Zeitschrift für Psychotherapie und medizinische Psychologie. V. B. H. 1. 1913.

Sydney Alrutz. Къ проблемѣ гипноза. Подзаголовокъ статьи—«Экпериментальное изслѣдованіе». Былъ поставленъ рядъ опытовъ на одномъ и томъ же субъектѣ, мужчинѣ, легко впадавшемъ въ состояніе гипноза. Руководящею мыслью автора было доказать, что при внушеніи дѣйствуетъ нѣкая особая сила, телепатическаго происхожденія. У усыпленнаго вызывались то контрактуры, то разслабленія, то гиперэстезіи, то анэстезіи на конечностяхъ. Чтобы устранить возможность предположенія, что при проведеніи рукой надъ кожей гипнотикъ можетъ ощущать теплоту, исходящую отъ послѣдней, или производимое ею движеніе воздуха и вести себя соотвѣтственно получаемымъ ощущеніямъ, надъ соотвѣтствующимъ участкомъ кожи устанавливалась стеклянная пластинка. Надъ ней уже производились соотвѣтствующіе пассы. Часть опытовъ была произведена при участіи двухъ другихъ врачей, однако же уже послѣ того, какъ надъ этимъ субъектомъ былъ продѣланъ длинный рядъ (36) сеансовъ самимъ Alrutz'омъ. Въ заключеніе авторъ приходитъ къ скороспѣлому выводу, что «вѣроятно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ еще неизвѣстной наукѣ формой энергіи или съ неизвѣстнымъ проявленіемъ ея». Энергія эта, между прочимъ, безпрепятственно проникаетъ, кромѣ стекла, также черезъ цинкъ, желѣзо, мѣдь, свинецъ и другіе металлы, или сплавы, напр. латунь. Наоборотъ, прохожденіе ея задерживаютъ картонъ, древесная или обыкновенная шерсть. Въ ближайшее время авторъ обѣщаетъ заняться обслѣдованіемъ этой энергіи.

Статья Н. А. Вырубова—Къ психоанализу ненависти была уже у насъ напечатана. (Психотерапія, 1911. Стр. 166).

Н. Вырубовъ.

Psiche. Rivista di studi psicologici. Anno I. № 3. 1912.

R. Assagioli. Психологія подсознательнаго. II. Альтернирующія и сознательныя личности. Въ этомъ второмъ очеркѣ Assagioli останавливается на явленіяхъ разстройства личности, наблюдаемыхъ при истерическихъ состояніяхъ и описанныхъ подъ именемъ раздвоенія личности. Вкратцѣ онъ приводитъ описаніе классическаго случая д-ра Azam'a, относящагося къ Фелидѣ X., и наблюденіе, сообщенное Weir

Mitchell'емъ о Мэри Рейнольдсъ; затѣмъ, пространно излагаетъ съ обширными цитатами недавно опубликованый Morton Prince'омъ случай весьма сложнаго разстройства личности у одной паціентки, давшей въ формѣ писемъ весьма подробное описаніе своихъ состояній. Сущность этого случая, въ короткихъ словахъ, сводится къ слѣдующему. Больная подъ вліяніемъ эмотивныхъ потрясеній теряетъ свою прежнюю личность и послѣдовательно, опять таки послѣ новыхъ тягостныхъ переживаній, переходитъ изъ одного состоянія въ другое. Эти три основныхъ состоянія она обозначала буквами C, B, A. Первое состояніе (C), въ которое она пришла къ моменту окончанія леченія, собственно не представляло ея нормальной, прежней личности, это была скорѣе только интеграція бывшихъ у нея состояній, давшая, однако, единство личности. Два другихъ состоянія B и A, характеризовавшихся одно явленіями явной депрессіи, другое—нѣкоторой экзальтаціи, смѣняли другъ друга, какъ сказано, подъ вліяніемъ эмоціональныхъ шоковъ, на протяженіи недѣль. Въ отношеніи состоянія сознанія интересно то, что въ то время, какъ въ состояніи A паціентка не сохраняла никакого воспоминанія о B, тогда, когда она переходила въ состояніе B, одновременно продолжало существовать и сознаніе A. Такимъ образомъ, у паціентки наблюдалось не только чередованіе сознаній, но и существованіе нѣсколькихъ сознаній. Для объясненія послѣдняго явленія Assagioli прибѣгаетъ къ сравненію (которое, какъ намъ кажется, все таки мало подвигаетъ дѣло) человѣческой личности съ народомъ. Государство можетъ представлять опредѣленную и единую личность, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ существуетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ, также сомостоятельныхъ единицъ, какими является тѣ или другія сословныя, или профессіональныя группы, и т. п. То же мыслимо и въ человѣческой личности. Выздоровленіе паціентки было достигнуто M. Prince'омъ при помощи гипноза.

Agostino Gemelli. Психологія и патологія. Въ этой горячо и ярко написанной статьѣ Gemelli разсматриваетъ вопросъ о роли интроспективнаго и главнымъ образомъ патологическаго метода въ психологіи. Громадные успѣхи естествознанія съ его точными методами изслѣдованія первоначально направили психологію на тотъ-же. Несмотря, однако, на изумительные успѣхи экспериментальной психологіи, дальнѣйшее развитіе психологіи, казалось, должно было остановиться, натолкнувшись на такіе факты и явленія, которые были уже недоступны эксперименту въ той формѣ, въ какой онъ ставился экспериментально-психологической методикой. Выходъ изъ этого кризиса былъ указанъ введенной Külpe провоцированной интроспекціей (Ausfrageexperimentmethode) и патопсихологическимъ методомъ, разработаннымъ первоначально французскими, а затѣмъ и нѣмецкими авторами. Но результаты патологическаго метода не всегда принимались безъ оппозиціи. Она приходила и со стороны врачей,

и со стороны психологовъ. Врачи въ теченіе многихъ лѣтъ были несомнѣнными врагами психопатологіи. И они были таковыми по соображеніямъ историческимъ—стоитъ только вспомнить о развитіи біологическаго знанія. Психіатрія конструировалась на анатомической базѣ; психическое есть функція или секреція матеріи, душевная болѣзнь—результатъ поврежденія матеріи. Отсюда ассимиляція психологіи и физіологіи. Отсюда также признаніе невозможности созданія психіатріи на изслѣдованіи психическихъ причинъ душевныхъ разстройствъ, отсюда—леченіе душевныхъ болѣзней по принципамъ фармакотерапіи и хирургіи. Отсюда—въ теоретической области невозможность психопатологіи. По всему этому врачи въ теченіе столькихъ лѣтъ не только были несомнѣнными врагами психологіи, но и препятствовали приложенію психопатологическаго метода. Но факты показали несостоятельность антрополого-психіатрической теоріи; обнаружилась неспособность патологической анатоміи и физіологіи нервной системы дать указанія въ опредѣленіи формъ помѣшательства. Кромѣ того, прогрессъ экспериментальной психологіи пролилъ болѣе яркій свѣтъ на отношенія между фактами физическими и исихическими, изгнавъ изъ области знанія мнимую эквивалектность ихъ. Такъ совершилось, что многіе психіатры смогли опредѣлить истинную цѣну психологіи въ изученіи психопатій. И теперь мы смотримъ на психическія процессы какъ на проявленія дѣятельности, совершенно отличной отъ дѣятельности органической, и не смотримъ болѣе на болѣзненные процессы въ человѣческомъ духѣ, какъ на простые результаты анатомическихъ и функціональныхъ разстройствъ нервной системы. «Правда, мы признаемъ, что высшія психическія функціи стоятъ въ отношеніяхъ реальной зависимости отъ низшихъ, что въ человѣкѣ нѣтъ ни одного проявленія психической дѣятельности, которое не имѣло бы своего физическаго коррелятива, ни одной идеи безъ образа, нѣтъ акта хотѣнія безъ чувствительной эмоціи, такъ что конкретный феноменъ, представляющійся сознанію, имѣетъ характеръ комплекса одновременно психологическаго и физіологическаго, но мы въ то же время признаемъ, что человѣкъ представляетъ сущность, состоящую изъ матеріи и имматеріальной души, что поэтому рядомъ съ наблюденіемъ біологическимъ и физіологическимъ должна имѣть мѣсто интроспекція, выполняемая при посредствѣ сознанія. И такое признаніе не ограничивается только областью нормальной психологіи, но распространяется также на область патологической психологіи. Этой точкѣ зрѣнія психологія обязана своимъ настоящимъ прогрессомъ, и этимъ признана законность приложенія патологическаго метода въ психологіи и существованія психопатологіи, какъ самостоятельнаго знанія».

Когда мы находимся передъ душевно-больнымъ, мы можемъ изслѣдовать его съ двухъ точекъ зрѣнія. Прежде всего можемъ разсмотрѣть, въ какомъ состояніи у него память,

вниманіе, чувство, воля; и можемъ такимъ образомъ опредѣлить болѣзненную форму и предпринять соотвѣтствующее леченіе. Или же мы можемъ изучать тѣ же самыя разстройства, сопоставляя ихъ съ нормальными функціями и извлечь изъ этого драгоцѣнныя указанія о нормальномъ функціонированіи психической жизни у человѣка.—Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ—психопатологію, во второмъ—патопсихологію; или по обозначенію Münsterberg'a: въ первомъ случаѣ мы говоримъ о патологіи, во второмъ—о психологіи. Слѣдуя психологіи, мы опять-таки можемъ это сдѣлать въ двухъ направленіяхъ: или можемъ попытаться познать душевные процессы, отдать себѣ отчетъ объ ихъ природѣ, сопоставить наши результаты съ результатами нормальной психологіи, такъ чтобы придти къ лучшему познанію психическихъ фактовъ. и въ этомъ случаѣ мы находимся предъ группою проблемъ, предъ группою разрѣшеній, словомъ предъ цѣлой доктриной; или же мы можемъ изучать болѣзненные факты для того, чтобы придти къ познанію нормальныхъ, хотя и непрямымъ путемъ. Въ этомъ случаѣ патопсихологія является для насъ уже методомъ. Такъ понимаемая патопсихологія и интересуетъ автора въ его настоящей работѣ.

Каждый методъ, чтобы быть таковымъ, долженъ удовлетворять условіямъ эксперимента. Послѣдній долженъ, по Wundt'y удовлетворять четыремъ требованіямъ: 1) наблюдатель прежде всего долженъ быть въ состояніи самъ, по своему желанію, вызывать появленіе феномена; 2) долженъ наблюдать изучаемый феноменъ съ концентрированнымъ вниманіемъ; 3) долженъ быть въ состояніи повторить наблюденіе въ идентичныхъ условіяхъ, и 4) долженъ быть въ состояніи изолировать условія феномена отъ сопутствующихъ обстоятельствъ и методически измѣнять условія эксперимента. Осуществленіе этихъ условій есть критерій научной цѣнности опыта, и можно признать за достовѣрное, что въ случаѣ, если одно изъ этихъ условій не соблюдено, опытъ не имѣетъ никакого научнаго значенія. И большая или меньшая цѣнность опыта зависитъ отъ большей или меньшей точности, съ которой соблюдены эти правила.

Очевидно, что въ нашихъ условіяхъ мы не можемъ провѣрить, соблюдены ли всѣ эти нормы, такъ какъ ни одинъ аппаратъ не запишетъ того, что происходитъ въ сознаніи; мы можемъ придти къ этому изученію внутреннихъ условій только при посредствѣ внутренняго наблюденія, будетъ ли оно прямое или непрямое. Надежда психофизиковъ превратить субъективное въ объективное, построить психологію по транспаранту физическихъ знаній—«безумная» надежда. «Мы можемъ принимать субъективное только какъ таковое, отказавшись отъ безсмысленной надежды познать сущность при помощи методовъ наблюденія или эксперимента, и ограничиваясь описаніемъ феноменологіи. И въ такой характеристикѣ

заключается доказательство слабости и недочетовъ самой психологіи, слабости и недочетовъ, которые не должны быть приписаны интроспекціи и которые не могутъ быть преодолѣны при помощи чистаго эксперимента, но, напротивъ того, они свойственны природѣ самой психологіи, которая дѣлаетъ изъ человѣка одновременно наблюдателя и объектъ наблюденія. Но, скажутъ, если такъ ограничивать приложеніе экспериментальнаго метода, то надо распрощаться съ точностью результатовъ, съ измѣреніемъ ихъ, съ созданіемъ психологіи, какъ вѣтви естествознанія. Это правильно. Психологія лежитъ не въ одной плоскости съ естественными науками, но въ промежуточной плоскости между философіей и послѣдними, и было бы неразумно требовать отъ нея большаго. Однако, не слѣдуетъ думать, что результаты ея поэтому висятъ въ воздухѣ».

Къ счастью въ психологіи, какъ и во всѣхъ физическихъ и біологическихъ наукахъ, данныя не остаются изолированными. Изъ разрозненныхъ фактовъ и отдѣльныхъ наблюденій вытекаетъ общій законъ, которой можно приложить къ цѣлому классу явленій. Какъ разъ въ этомъ смыслѣ приложимъ патологическій методъ; онъ есть одно изъ воспомогательныхъ средствъ, при помощи которыхъ психологъ можетъ изолировать отдѣльные психическіе элементы или изучать ихъ причинную связь, и это можетъ быть цѣнно тамъ, гдѣ экспериментальный методъ оказывается недостаточнымъ. Въ нормальной жизни психическія функціи интимно связаны между собою; если эти нормальныя связи измѣнены или нарушены, то больше уже нѣтъ нормальной жизни духа. При помощи искусственнаго эксперимента возможно направить свое вниманіе на опредѣленную функцію, изучать ее, отвлекаясь отъ другихъ; но во всякомъ случаѣ и здѣсь нѣтъ совершеннаго изолированія данной функціи. Однако же, гдѣ нѣтъ возможности для эксперимента, на помощь приходитъ патологія. Только патологически можно наблюдать случаи, гдѣ субъектъ можетъ взять рукой данный предметъ, и между тѣмъ его рука анэстетична, какъ это бываетъ при истеризмѣ. Только при патологическихъ условіяхъ можетъ отсутствовать познавательная способность и сохраняться функція воспріятія и память. Въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ естественную изоляцію данной функціи.— Разстройство, которое позволяетъ изолировать данный фактъ, можетъ быть троякаго рода: 1) можетъ имѣться исчезновеніе данной функціи, 2) можетъ отсутствовать нормальная связь между нею и другими функціями, и 3) можетъ быть анормальное отклоненіе отъ данной функціи.—Такъ, напримѣръ, при словесной слѣпотѣ имѣется потеря зрительныхъ представленій словъ; въ словесной глухотѣ—слуховыхъ представленій словъ и т. п. Или болѣзнь можетъ сдѣлать выборъ между образами одной и той-же группы. Могутъ исчезнуть зрительные образы буквъ и остаться музыкальныя обозначе-

нія, или обратно. Амнезіи бросили свѣтъ на механизмъ памяти и ассоціаціи идей. Разстройства Я послужили къ углубленію пониманія функцій, природы личности, характера сознанія и соотношенія между безсознательнымъ и подсознательнымъ, и т. д.—Однако же, «психологъ всегда долженъ помнить, что то, что наблюдается въ патопсихологіи представляетъ собою фактъ изолированный, относительный, исключительный. Если онъ не хочетъ превратить психологію въ патопсихологію, то слѣдуетъ избѣгать возводить факты частные, патологическіе, въ абсолютный законъ или правило. Законъ, правило, онъ сможетъ создать только при помощи сведенія воедино согласныхъ результатовъ, полученныхъ различными методами».

Методы психологіи могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи.—Къ первой категоріи принадлежатъ методы, прилагаемые къ изслѣдованіямъ, которыя имѣютъ цѣлью изученіе воспріятія внѣшнихъ раздраженій, методы, при помощи которыхъ могутъ быть изучаемы вниманіе, отвлекаемость, объемъ сознанія и т. п. Въ этомъ случаѣ интроспекція и внѣшнее наблюденіе (экстроспекція) совпадаютъ. Методъ этотъ прямой, какъ потому, что раздражитель непосредственно вызываетъ феноменъ, подлежащій наблюденію, такъ и потому, что наблюденіе относится къ феномену, который въ данное время протекаетъ въ сознаніи. Wundt совершеннымъ методомъ называетъ прямой методъ, такъ какъ онъ позволяетъ соблюсти всѣ правила научнаго экпериментированія такъ, какъ это дѣлается въ естествознаніи, въ физикѣ, химіи.—Не прямые методы это тѣ, при которыхъ не наблюдается психическаго феномена, вызваннаго прямо непосредственно, при помощи раздражителя, не наблюдается воспріятія этого раздражителя; но наблюдается психическій феноменъ вторичнаго порядка, вызванный воспріятіемъ раздражителя. Это—методы, прилагаемые къ изученію памяти, ассоціацій, чувствованій и т. д.; они—непрямые какъ потому, что феноменъ, который изучается, вызванъ непрямо раздражителемъ, такъ и потому, что наблюденіе вторичнаго феномена производится надъ памятью о феноменѣ, а не надъ феноменомъ, во время его продукціи, поскольку наблюденіе надъ протекающимъ феноменомъ не нарушаетъ его развитія.—Такъ, напримѣръ, въ опытахъ надъ ассоціированіемъ, субъекту дается слово, на которое онъ долженъ отвѣтить другимъ словомъ, первымъ пришедшимъ ему въ сознаніе, не заботясь о томъ, чтобы наблюдать за протекающимъ феноменомъ. Послѣ окончанія эксперимента, субъектъ долженъ воспроизвести при помощи памяти феномены, которые развернулись у него внутри. Продукція феномена здѣсь непрямая и наблюденіе также непрямое при помощи памяти. Эти непрямые методы также довольно хорошо отвѣчаютъ условіямъ, требуемымъ экспериментомъ.—Такимъ образомъ, патологическій методъ въ основѣ своей есть методъ непрямой.

Цѣнность патологическаго метода въ психологіи очевидна также изъ того факта, что патологія можетъ оказать еще другую услугу, кромѣ того, что является методомъ изслѣдованія. Она можетъ освѣтить психологу цѣнность гипотезъ и теорій, которыя онъ конструируетъ для истолкованія фактовъ, собранныхъ наблюденіемъ и экспериментомъ. Такъ, напр., физіологъ стремится, при помощи экспериментальнаго разрушенія извѣстныхъ частей мозговой коры, установить, что данная часть имѣетъ ту или другую функцію. Но если ему случится наблюдать, что у индивидуума, у котораго какимъ либо процессомъ разрушена эта часть мозговой коры, кореллятивно съ этимъ фактомъ имѣлось выпаденіе той функціи, которую онъ предполагалъ гипотетически на основаніи своихъ экспериментовъ, то тогда онъ найдетъ въ этомъ патологическомъ фактѣ доказательство справедливости его гипотезы. Сходное мы увидимъ и въ психологіи. Возьмемъ, напр., истеричнаго больного. Такой больной, хотя бы его рука и была анэстетична, можетъ распознать предметъ, который возьметъ въ руку. Сознательнымъ образомъ я могу взять перо въ руку, но могу писать, не сознавая моихъ тактильныхъ ощущеній. Но въ дѣйствительности тактильныя ощущенія не отсутствуютъ, потому что я выполнилъ намѣренный актъ и взялъ перо. Только я ихъ не замѣтилъ. Различіе между больнымъ и здоровымъ состоитъ, такимъ образомъ, въ слѣдующемъ: если я приказываю нормальному человѣку обратить вниманіе на тактильныя ощущенія, онъ ихъ замѣчаетъ; что, наоборотъ, отсутствуетъ при истерической анестезіи. Тутъ патологическій методъ обнаруживаетъ намъ не только тотъ фактъ, что воспріятіе извѣстнаго объекта можетъ быть не зависимымъ отъ того, замѣчаемъ мы или нѣтъ въ данное время тактильныя ощущенія, но и служитъ также, съ общей точки зрѣнія, къ тому, чтобы показать намъ, какимъ образомъ мы воспринимаемъ объекты.

Цѣнность патологическаго метода основывается еще на слѣдующемъ фактѣ. Въ патологическомъ «случаѣ» мы имѣемъ не только нарушеніе или отсутствіе нормальныхъ отношеній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы имѣемъ настоящее повышеніе и усиленіе тѣхъ феноменовъ, которые продуцируются въ нормальной жизни человѣческаго духа. Вспомнимъ, напр., о систематизированномъ бредѣ. Онъ аналогиченъ явленіямъ кристаллизаціи, которыя конвертируютъ въ одинъ пунктъ состоянія нашего сознанія даннаго метода. Пунктомъ конвергенціи можетъ быть или преднамѣренная идея, или идея бредовая, какъ, напр., идея величія. Различіе между иллюзіей и галлюцинаціей скорѣе теоретическое, чѣмъ практическое. Между обоими феноменами лежитъ рядъ промежуточныхъ ступеней, и мы можемъ разсматривать галлюцинацію, какъ повышеніе и усиленіе иллюзіи. Здѣсь патологическій методъ дѣйствуетъ на подобіе микроскопа при изслѣдованіи тканей.

Несмотря на возраженія противъ примѣненія патоло-

гическаго метода въ психологіи, сводящіяся къ тому, что онъ не можетъ помочь въ разрѣшеніи основныхъ проблемъ человѣческаго духа, что случаи патологическіе представляютъ собою только исключенія, что патологическія условія совершенно отличны отъ нормальныхъ и нельзя дѣлать перехода отъ однихъ къ другимъ, и т. д., несмотря на все это, останется справедливымъ, что «патопсихологическія изслѣдованія имѣютъ величайшее значеніе въ прогрессѣ психологіи, хотя и являются вспомогательными изслѣдованіями, приложимыми въ тѣхъ случаяхъ, когда не возможно воспользоваться другими методами, и пригодными какъ методъ контроля».

Н. Вырубовъ.

Общества и Съѣзды.

Психіатрическій Кружокъ «Малыя Пятницы».

Засѣданіе 1 марта 1913 г.

Подъ предсѣдательствомъ проф. В. П. Сербскаго.

М. М. Ассатіани. Условные рефлексы въ приложеніи къ симптомамъ психоневрозовъ.

При пережевываніи пищи выдѣленіе слюнной жидкости происходитъ вслѣдствіе механическаго раздраженія слизистой оболочки рта. Слюноотдѣленіе подъ вліяніемъ такого механическаго раздраженія слизистой рта относится къ категоріи постоянной реакціи, является, т. наз., безусловнымъ рефлексомъ. Выдѣленіе слюнной жидкости, можетъ происходить также другимъ путемъ, путемъ психогеннымъ. Мы можемъ вызывать слюноотдѣленіе у животнаго, показывая ему ѣду, т.-е. возбуждая его психику, а отсюда слюногенные центры «внѣшнимъ впечатлѣніемъ». Природа этого «впечатлѣнія» вскрыта методами, относящимися къ условнымъ рефлексамъ (Павловъ) или сочетально-двигательнымъ реакціямъ (Бехтеревъ). Слюноотдѣленіе у собаки, которой показываютъ ѣду, происходитъ, благодаря упомянутому условному рефлексу. Анализъ природы условнаго рефлекса показываетъ, что въ основѣ его имѣется временная связь, механизмъ же происхожденія представляется совершенно опредѣленнымъ. Если давать пищу собакѣ одновременно съ какимъ нибудь звукомъ или другимъ раздражителемъ (мѣстомъ раздраженія могутъ быть всѣ воспринимающія поверхности), то въ результатѣ многократнаго сочетанія этихъ двухъ рознородныхъ явленій (звукъ и слюноотдѣленіе подъ вліяніемъ механическаго раздражителя) у собаки будетъ отдѣляться слюна при вызываніи одного только звука. Механическій раздражитель можетъ отсутствовать. Если кормить рыбъ въ акваріумѣ при звукѣ свистка, то въ результатѣ многократнаго повторенія рыбы будутъ выплывать на поверхность воды при одномъ лишь звуковомъ раздраженіи (свистокъ).

Переходя къ наблюденію симптомовъ, относящихся къ психоневрозамъ, въ частности къ фобіямъ, мы могли бы найти факты, аналогія которыхъ напрашивается сама собой. Начну съ наипростѣйшаго примѣра, который можно было бы привести въ аналогію съ явленіемъ отдѣленія слюны у собаки въ результатѣ выучки, при отсутствіи механическаго раздраженія слизистой оболочки рта, т. е. съ условнымъ рефлексомъ.

Б-ая К., находясь подъ вліяніемъ тяжелыхъ переживаній, однажды утромъ, открывъ глаза послѣ сна, почувствовала тревогу, которая выразилась у нея приступомъ сильнѣйшаго сердцебіенія. Спустя нѣсколько дней обстоятельства измѣнились и у б-ой не было основанія больше волноваться. Однако, каждый разъ, какъ открываетъ глаза по утрамъ послѣ сна, она испытываетъ прежнія сердцебіенія. Б-ая неудомѣваетъ; она забыла про свою тревогу, волненій нѣтъ, а сердцебіенія продолжаются въ теченіе трехъ недѣль и приводятъ ее къ фобіи. Основанія для фобіи: «Я выспалась хорошо, никакихъ такихъ мыслей у меня нѣтъ, чтобы волноваться, а между тѣмъ каждый разъ, какъ открываю глаза, у меня начинается сердцебіеніе. Очевидно, въ сердцѣ у меня что-то есть».

Въ условномъ рефлексѣ, вспомнимъ, имѣется звукъ, который въ результатѣ многократнаго сочетанія съ механическимъ раздражителемъ даетъ слюноотдѣленіе, но уже при отсутствіи механическаго раздражителя. Въ приведенномъ примѣрѣ мѣсто звука занимаетъ внѣшнее раздраженіе въ видѣ открыванія глазъ послѣ сна; безусловный рефлексъ замѣняется эмоціей, которая имѣетъ опредѣленную тѣлесную реакцію—сердцебіеніе (раздраженіе слизистой—слюноотдѣленіе; эмоція—сердцебіеніе, какъ тѣлесная реакція эмоціи); образуется же этотъ условный рефлексъ не въ результатѣ многократнаго сочетанія, а благодаря особенному спаивающему состоянію психики (растерянность, разсѣяніе, утомленіе), когда въ одинъ моментъ фиксируются у б-ой нѣкоторыя категоріи явленій, не стоящихъ между собой ни въ какой функціональной зависимости. Что общаго между пробужденіемъ и сердцебіеніемъ? Чему обязана подобная функціональная зависимость между столь-же разнородными явленіями, какъ звукъ и слюноотдѣленіе? Очевидно, что тутъ имѣется какой-то механизмъ; мое же объясненіе надо считать лишь попыткой уловить дѣйствіе этого механизма. Думается мнѣ, что, если примѣнимы вообще въ наукѣ заключенія ex juvantibus, то умѣстно было бы сказать, что въ приведенномъ случаѣ симптомъ сердцебіенія прошелъ послѣ перваго же разъясненія по указанной схемѣ. Въ случаяхъ застарѣлыхъ «угасаніе» условнаго рефлекса происходитъ послѣ долгихъ разъясненій, благодаря особеннымъ условіямъ, о которыхъ не могу говорить здѣсь. Приведу еще примѣры. Б-ой, инженеръ, во время операціи (удаленіе червеобразнаго отростка) испыталъ рѣзкія ощущенія въ сердцѣ (замираніе и сжатіе) и кишкахъ (ноющее, чрезвычайно непріятное ощу-

щеніе одновременно съ усилившейся перистальтикой) въ то время, когда потянули его за висцеральную брюшину. Было мучительное, напряженное состояніе; б-ой съ нетерпѣніемъ ждалъ конца этихъ манипуляцій, причемъ эта эмоція имѣла совершенно опредѣленную тѣлесную реакцію. «Сердцебіеніе, чувство сосанія, томленія, нетерпѣнія въ груди около сердца». Особенное психическое состояніе фиксировало у б-го два разнородныхъ явленія и создало между ними функціональную, хотя и временную, связь наманеръ условныхъ рефлексовъ. При явленіяхъ давленія на кишечникъ, послѣ, напр., пріема пищи, у б-го происходило усиленіе перистальтики кишекъ вмѣстѣ съ замираніемъ въ сердцѣ и нытьемъ въ животѣ, а затѣмъ—вызывалась вся, имѣвшаяся раньше, тѣлесная реакція эмоціи нетерпѣнія.

Привожу въ дальнѣйшемъ примѣры, аналогія которыхъ съ механизмомъ условныхъ рефлексовъ будетъ уже нетрудна. У больной уѣзжавшей за границу, подъ вліяніемъ случайныхъ волненій, сдѣлался на вокзалѣ поносъ, который причинилъ ей много непріятностей. Съ тѣхъ поръ она свободно ѣдетъ на вокзалъ встрѣчать и провожать, но стоитъ ей самой собраться для отъѣзда, какъ у нея появляется такой же поносъ.

Молодая дѣвушка въ состояніи сильнѣйшей эмоціи и растерянности читаетъ письмо, изъ котораго узнаетъ о разрывѣ, грозящемъ ей многими несчастіями. Чтеніе происходитъ далеко отъ дома, у моря, при неясной лѣтней погодѣ. Съ тѣхъ поръ боязнь пространства,—боязнь отойти далеко отъ дома, страхъ остаться одной безъ матери, сильнѣйшее волненіе при видѣ моря и «того» неба,—страхъ со всѣми тѣлесными реакціями. Мнѣ приходится ограничиваться этими примѣрами... Мысли, только что высказанныя мною, находятся у меня въ самомъ началѣ разработки. Не сомнѣваюсь въ томъ, что многое придется измѣнить, отъ многаго—отказаться; однако, считаю достовѣрнымъ то, что многіе изъ симптомовъ, относящихся къ психоневрозамъ, имѣютъ болѣе простое объясненіе, чѣмъ это принято въ сложныхъ и запутанныхъ анализахъ Freud'a и другихъ психоаналитиковъ.

Я считалъ бы свою цѣль достигнутой, если бы мнѣ удалось доказать возможность происхожденія симптомовъ, относящихся къ психоневрозамъ, по типу условныхъ рефлексовъ. Цѣлый рядъ клинически разработанныхъ случаевъ, на которыхъ я могъ видѣть подтвержденіе такой возможности, будетъ опубликованъ мною въ близкомъ будущемъ. (Авторефератъ).

Ферейнъ свободнаго психоаналитическаго изслѣдованія.

Засѣданіе 2 января 1913 г.

Furtmüller читаетъ рефератъ о «Психологіи Паскаля». Рефератъ появится полностью въ книжкахъ Ферейна.— Дискуссіи: Schrecker находитъ, что религіозность Паскаля

была очень поверхностная, онъ вращался въ софизмахъ о «Правдѣ христіанства».—Wexberg указываетъ на сходство между Паскалемъ и Стриндбергомъ. Стриндбергъ былъ агрессивнѣе. У Паскаля видна руководящая линія: «хотѣть все лучше знать, чѣмъ другіе».—Г-жа д-ръ Furtmüller находитъ, что Паскаль служитъ, какъ и Толстой, примѣромъ плохо разрѣшеннаго конфликта между свѣтской жизнью и религіозной руководящей линіей.—Въ заключительномъ словѣ Furtmüller говоритъ, что въ играхъ Паскаля видна тенденція обереженія (Sicherungstendenz), которая приводитъ его къ теоріямъ вѣроятности.

Раиса Адлеръ (Вѣна).

Психоаналитическія замѣтки.

Эдмондъ Ростанъ о возникновеніи драмы «Сирано де бержеракъ» (длинноносый герой, помогающійся любви для другого лица).

При совершенно необычайныхъ обстоятельствахъ образъ этотъ былъ надѣленъ характерной и прекрасной чертой, которая дѣлаетъ длинноносаго героя добровольнымъ ходатаемъ за любовь для другого лица.

«Я проводилъ, однажды, разсказываетъ Ростанъ, лѣтнія каникулы въ Люшонѣ. Одинъ изъ моихъ друзей былъ влюбленъ въ одну даму, съ которой онъ хотѣлъ повѣнчаться. Но, въ присутствіи молодой дѣвушки, онъ чувствовалъ себя всегда такимъ стѣсненнымъ и смущеннымъ, что не былъ въ состояніи пролепетать ни слова. «Помоги мнѣ, сказалъ онъ мнѣ однажды, поговори съ моей невѣстой и съ ея семьей». Я согласился. Даже больше. Я наставилъ моего друга. «Дѣлай то-то! Оставь это. Говори такъ-то....».

Однажды я встрѣтилъ отца невѣсты. Мы болтали всю дорогу. Вдругъ мой спутникъ говоритъ мнѣ: «А propos! знаете—вѣдь вашъ пріятель вовсе не такъ глупъ!». Я былъ счастливъ за моего друга. И тогда внезапно пришло мнѣ на умъ,.. проблема! Одинъ ходатайствуетъ за другого... Мысли летѣли, группировались... Я думалъ: «Если-бъ я тоже былъ влюбленъ въ эту дѣвушку....и если-бы я былъ безобразный, нескладный?. А! какъ Сирано». Это былъ лучъ свѣта, который заставилъ меня затрепетать. Сирано былъ найденъ. Мой Сирано получилъ образъ. Мнѣ оставалось только его описать».

Ad hoc! Здѣсь, мнѣ кажется, совершенно ясно вскрыта проблема невроза, именно, какъ безсознательное разрѣшеніе: «Стремись къ власти, достигай побѣды, но при одномъ опредѣленномъ условіи—возможности избѣжать низверженія («боязнь предъ женщиной», Adler)». Поэтому непрямые, нащупывающіе, медлящіе симптомы подавленнаго агрессивнаго стремленія представляютъ для Сирано единственную возможность дѣйствованія въ направленіи его невротическаго характера.

I. Бирштейнъ.

Хроника.

По поводу замѣтки помѣщенной въ хроникѣ «Психотерапіи» № 2, «О психотерапевтическомъ кабинетѣ въ психіатрической клиникѣ Московскаго университета», бывшіе клиническіе товарищи любезно сообщаютъ редакціи, что съ осени 1908 г. въ Психіатрической клиникѣ существовала психотерапевтическая амбулаторія. Пріемъ производился 2 раза въ недѣлю въ вечерніе часы одновременно врачами клиники Н. Е. Осиповымъ, Е. Н. Довбня и М. М. Асатіани, къ которымъ съ 1909 г. присоединились вновь избранные ординаторы Л. М. Розенштейнъ, В. С. Дерябинъ, а также П. П. Подъяпольскій. На пріемахъ неоднократно присутствовали студенты и иногородніе врачи. Въ амбулаторіи примѣнялись всѣ методы психологическаго изслѣдованія (въ частности широко примѣнялся ассоціативный экспериментъ по Jung'y) и психотерапія во всѣхъ ея модификаціяхъ: гипнотическое внушеніе, внушеніе въ бодрственномъ состояніи, раціональная психотерапія (Dubois, Déjerine), психоанализъ (Freud). Въ такомъ видѣ психотерапевтическая амбулаторія функціонировала въ психіатрической клиникѣ Московскаго университета до весны 1911 г.

Редакторъ-издатель Н. А. Вырубовъ.

Типографія Штаба Московскаго Военнаго Округа.

Продолжается подписка на 1913 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

„Современная Психіатрія“:

Годъ изданія седьмой.

Въ составъ редакціонно-издательскаго комитета журнала входятъ: **Н. А. Алфеевскій, Д. А. Аменицкій, Л. В. Блуменау, П. П. Бруханскій, Р. Н. Вановскій, И. Н. Введенскій, Н. А. Вырубовъ, В. М. Гаккебушъ, А. К. Ганъ, П. Б. Ганнушкинъ, Т. А. Гейеръ, В. А. Гиляровскій, М. О. Гуревичъ, С. Н. Давиденковъ, Н. П. Данаевъ, В. Н. Ергольскій, Н. А. Ершовъ, П. М. Зиновьевъ, Е. К. Іогансонъ, Ю. В. Каннабихъ, Я. С. Кацнельсонъ, П. П. Кащенко, В. П. Кащенко, П. Д. Максимовъ, Н. И. Орловъ, Н. Е. Осокинъ, А. І. Писнячевскій, Л. А. Прозоровъ, С. А. Преображенскій, Н. П. Прокофьевъ, П. И. Растегаевъ, Г. В. Рейтцъ, С. С. Сергіевскій, Б. Н. Синани, С. С. Ступинъ, Г. Я. Трошинъ, В. В. Чеховъ, А. С. Шоломовичъ, Т. И. Юдинъ.**

Журналъ „Современная Психіатрія“ посвящается всѣмъ вопросамъ теоретической, клинической и общественной психіатріи.

Журналъ въ 1913 г. будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ до пяти печ. листовъ.

Вслѣдствіе увеличенія объема журнала подписная плата въ 1913 г. повышена до десяти руб. въ годъ. Цѣна отдѣльной книжки 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Современной Психіатріи“ (Москва, Новинскій бульваръ, д. № 38. Телеф. 32—48) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ направлять подписныя деньги непосредственно въ контору редакціи. Допускается разсрочка подписной платы при условіи непосредственнаго обращенія въ контору журнала: при подпискѣ 4 руб., къ 1-му іюня 4 руб. и къ 1-му октября 2 руб.

Статьи въ заказныхъ бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи. Редакція оставляетъ за собой право производить въ присланныхъ статьяхъ нѣкоторыя сокращенія. Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ. О всѣхъ книгахъ, присланныхъ въ редакцію, печатается извѣщеніе въ ближайшей книжкѣ журнала.

ПСИХОТЕРАПІЯ

ОБОЗРѢНІЕ ВОПРОСОВЪ ПСИХИЧЕСКАГО ЛЕЧЕНІЯ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

Журналъ ставитъ своею задачей разработку и освѣщеніе вопросовъ психотерапіи какъ въ отношеніи старыхъ ея методовъ—внушенія и гипнотизма, такъ и новѣйшихъ методовъ—Freud'a и Dubois и др. съ ихъ видоизмѣненіями. Большое вниманіе журналъ удѣляетъ также разсмотрѣнію вопросовъ нормальной и патологической психологіи, знакомство съ которыми представляется необходимой основой для раціональныхъ психотерапевтическихъ воздѣйствій. Кромѣ спеціальныхъ изслѣдованій, обзоровъ, рефератовъ, рецензій и проч., журналъ даетъ статьи общаго содержанія, затрогивающія, въ широкомъ смыслѣ слова, проблемы человѣческаго духа.

Журналъ выходитъ шестью книгами въ годъ, не менѣе трехъ листовъ каждая. **Подписная цѣна** на годъ съ доставкой и пересылкой **5 руб.** Цѣна отдѣльной книжки—90 коп. **Подписка принимается** въ конторѣ редакціи «Психотерапіи»: **Москва**, Патріаршіе Пруды, Ермолаевскій пер., д. 13. Телефонъ 1.08.41.

Статьи въ заказныхъ бандеролях просятъ направлять по адресу редакціи. Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ. О каждой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ заявлено въ ближайшей книжкѣ журнала.

БИБЛІОТЕКА «ПСИХОТЕРАПІИ»

подъ редакціей Н. А. Вырубова.

№ 1. Фрейдъ. Психологическіе этюды. Изданіе 2-ое. Ц. 35 к.

№ 2. Роледеръ. Основы сексуальной педагогики. Ц. 70 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НАУКА», МОСКВА, Б. Никитская, 10.

Типографія Штаба Московскаго Военнаго Округа. Москва.